

Трилогия
в одном
томе

Юлия Цабокова

VIP значит
вампир

Москва, 2012

Юлия Цабокова

Трилогия
в одном
тome

- VIP значит вампир •
- Шерше ля вамп •
- Вампир высшего класса •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н14

Серия основана в 2005 году
Выпуск 118

Художник
С. А. Григорьев

Набокова Ю. В.

Н14 VIP значит вампир: VIP значит вампир; Шерше ля вамп;
Вампир высшего класса /Послесл. К. Савельева. — М.: «Изда-
тельство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 956 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1104-7

Весь мир — театр, а вампиры в нем режиссеры. Москва, Прага, Париж, Нью-Йорк — лишь часть театральных подмостков, на которых разворачиваются современные драмы. С первых же дней юная вампирша Жанна Бессонова оказывается в главных ролях. Скандальная дебютантка, наследница миллионера, беглая преступница, родная внучка вампирского старейшины, большая любовь таинственного Гончего — к ней приковано внимание всего Клуба бессмертных. Жанне предстоит узнать, как опасны кровные узы, как обманчивы близкие друзья и как ошеломительны вековые тайны. Справится ли со всем этим хрупкая девушка? Кажется, у нее просто нет выбора, ведь спектакль уже начался, а вечность не дает второго шанса... Однако, когда последняя надежда на спасение будет утрачена, любовь снова спасет мир. Ведь любви покорны даже двухсотлетние вампиры с темным прошлым.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1104-7

© Набокова Ю. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• VIP значит вампир •

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА

I. Порядок вступления в Клуб

1. Инициация новых членов Клуба осуществляется ТОЛЬКО с их согласия.
2. Вопрос о вступлении в Клуб рассматривается городским Советом старейшин.
3. Предпочтение отдается кандидатам, обладающим выдающимися талантами в одной из областей искусства, культуры, науки, а также тем, кто является ведущим специалистом в своей профессии.
4. Наиболее предпочтительный возраст для вступления в Клуб — 25—40 лет.
5. Запрещена инициация лиц моложе 18 лет, лиц, имеющих судимости или склонных к агрессии и насилию.
6. Каждый кандидат в обязательном порядке проходит психологические тесты, результат которых оглашается публично.
7. Решение о вступлении в Клуб принимается всеобщим голосованием и утверждается Советом старейшин.
8. Совет старейшин имеет право вето.
9. Решение старейшин не обсуждается и обжалованию не подлежит.
10. Инициация кандидата проводится старейшинами. В исключительных случаях, с разрешения старейшин, — другими членами Клуба.

II. Права и обязанности членов Клуба

1. Члены Клуба обязуются хранить тайну о существовании организации.
2. Первые два года после вступления в Клуб новички получают ежемесячную материальную помощь в размере, установленном городским Советом старейшин.
3. Члены Клуба, опыт которых превышает два года, ежемесячно выплачивают в бюджет организации взносы, установленные городским Советом старейшин. Взносы идут на поддержание новичков,

развитие специализированных учреждений, покупку жилья и транспортных средств для городского фонда и финансирование научных исследований.

4. В случае материальных затруднений выплата взносов может быть заменена общественными работами.

5. В целях секретности существования организации члены Клуба периодически (не реже одного раза в десять лет) обязаны сменить город пребывания, имя и идентификационные документы.

6. При переезде член Клуба оставляет в фонд городского филиала принадлежащую ему недвижимость и транспортные средства и получает по прибытии в новый город равноценные им жилье и транспортные средства из фонда города.

Глава 1

ВАМПИР НОСИТ «АРМАНИ»

Я начитанная. Все время читаю. Все журналы — от корки до корки.

Кэндес Бушнелл. Секс в большом городе

Смерть — это что-то вроде болезни, к которой у существ, нам подобных, имеется частичный иммунитет.

Челси Куин Ярбро. Хроники Сен-Жермена

Счастье — это когда стоишь босыми ногами на нежном золотистом бархате песка, вдыхаешь упоительный морской воздух и жмуришься на ярком южном солнышке. Волна накатывает на берег, обдавая колени прохладными брызгами. Где-то кричат чайки; отзываясь на прикосновения ветра, вздыхают пальмы. Смуглый до черноты мачо в красных плавках не сводит с тебя восхищенного взгляда. А у бассейна тебя уже ждет прохладный, с кубиками льда, арбузный сок, и единственная неприятность, которая может случиться в этот сказочный день, — это обгоревшие плечи... Если взять эту картинку за максимальную оценку счастья по десятибалльной шкале, в данный момент я находилась на отметке минус пять. Потому что вместо золотого песка под ногами был серый вытершийся паркет, вместо морского воздуха — прокуренный кабинет, вместо солнышка — суровый, как грозовая туча, взгляд босса. А вот и он сам — вместо загорелого мачо в плавках. Недоразумение в нелепом костюме, именуемое Борисом Семеновичем Однорогом. Он же — директор риелторского агентства «Милый дом», в котором я пашу уже четыре года. Если в кабинете и бушевали волны, то это были исключительно волны гнева и презрения, в которых я барахталась уже добрых десять минут, крепко увязла по самую макушку и устала поглядывать на дверь в ожидании спасателя. Единственное, что роднило разнос в кабинете босса с курортной идиллией, так это визгливый голос Бориса Семеновича, который с успехом заменял крики чаек...

— Бессонова! Бессонова! — бесновался Борис Семенович, пока я грезила о море, куда мы с моей подругой и коллегой Сашкой должны были отправиться через восемь дней. Отпуск был заслуженным, дав-

но оговоренным, и я не сильно волновалась, что он может сорваться из-за острого недовольства шефа моей последней сделкой. Точнее — ее провалом. — Бессонова! Ты меня вообще слышишь?! Такое чувство, что я говорю с роботом!

— Да, Борис Семенович,— скорбно отозвалась я.

— Бессонова, ну это ни в какие ворота! — Шеф подпрыгнул на месте на полметра, удивив меня своей физической подготовкой.

Кто бы мог подумать, что низенькому и упитанному Однорогу доступны такие акробатические номера. Жаль, что он у нас не звезда, а то можно было бы его в шоу про цирк пристроить. Глядишь, вздохнули бы спокойно, пока Однорог на манеже кульбиты разучивал и тигров дрессировал. А при удачном стечении обстоятельств один из тигров его и схомячил бы. Желательно в прямом эфире, чтобы весь наш офис успел насладиться зрелищем.

— Ну ты, Бессонова!..

От моего безучастного вида шеф сдулся, как воздушный шарик, и даже костюм, казалось, стал ему велик. Хорошо еще Однорог мысли читать не умеет, а то я как раз примеряла ему на голову колпак клоуна и пришла к выводу, что Борис Семенович просто создан для роли Тарапуньки. Или Штепселя. Да и псевдоним ему придумывать не надо, одна фамилия чего стоит!

— Знаешь что, Бессонова!.. — Не дождавшись от меня искреннего раскаяния и приступа самоуничтожения, босс устало махнул рукой. — А иди ты, Бессонова!..

Я хотела было невинно уточнить: «В бухгалтерию, за премией?», но решила не доводить Однорога до инфаркта, а себя — до увольнения. Зарплата мне была очень нужна ввиду начинающихся распродаж, тем более что я уже присмотрела парочку лакомых вещичек. Поэтому я только развернулась на шпильках и шагнула к двери, ухватившись за ручку, как за спасательный круг, который вынесет меня на берег.

— Ты куда, Бессонова? — поразился Однорог у меня за спиной.

— Так вы же меня сами... послали,— с вежливой улыбочкой обернулась я.

— Но я еще не уточнил, КУДА именно! — Однорог мстительно сверкнул глазами и зашуршал бумагами, выискивая среди множества факсов нужный.

Если бы за четыре года работы под его началом я не убедилась в категорическом отсутствии у шефа чувства юмора, я бы поклялась, что в его словах явственно прозвучал сарказм.

Однорог тем временем хмурил брови, быстро перебирая бумаги. Потом отложил их в сторону, недовольно скосил глаза, изобразил напряженную умственную деятельность и с радостной ухмылкой провалился под стол, вернувшись через секунду с мятой бумагой в руке.

Он удовлетворенно разглядел ее и протянул мне, лучась от сознания собственной подлости.

— Вот!

Я с опаской взяла факс, выуженный из мусорной корзины, настоженно впила в него глазами и мысленно застонала. Так далеко меня еще не посылали! Полуаварийное здание бывшей фабрики в районе Котловки, которое владельцы наивно мечтали продать под торговый центр или офисное здание. В такой-то глуши?! В первую минуту я дрогнула и хотела просить у Однорога пощады, но потом расправила плечи и с достоинством приняла свою участь. Не дождется!

— Надеюсь, ты понимаешь, Бессонова, что это твой единственный шанс реабилитироваться после потери такого ценного клиента, как госпожа Горячкина? — нервно поинтересовался Однорог, недовольный моим безучастным отношением к его подлянке.

— Разумеется, Борис Семенович! — смиренно отозвалась я. — Я займусь этим объектом завтра же с утра.

— Нет, Бессонова, ты меня не поняла, — злорадно ухмыльнулся Однорог. — Ты поедешь туда сейчас же.

— Но, Борис Семенович... — начала было я, покосившись на часы.

Начало шестого. В лучшем случае я попаду туда к семи. Пока осмотрю эту развалину и окрестности да домой доберусь, будет уже одиннадцатый час. Но это еще не самое худшее! Сегодня я вырядилась в нарядное кремовое пальто и сапожки на тонких шпильках — и это ради того, чтобы месить дорогущими сапожками грязь в Котловке? Заехать домой переодеться я никак не успеваю — это в противоположной стороне города. Вот шеф удружил!

— Сегодня же, — злорадно повторил Однорог. — Иначе придется отложить твой отпуск до лучших времен.

Ах вот ты как!

— Чтобы завтра же у меня были фотографии здания, а до твоего отъезда — план по его продаже, — наслаждаясь собственной подлостью, велел Однорог.

— Не беспокойтесь, Борис Семенович, сделаю в лучшем виде! — с медовой улыбкой заверила я, мысленно втыкая в ботинок Однорога острую шпильку сапожка.

— Ну иди, — с сомнением отпустил меня шеф. — Не подведи, Бессонова!

Здание оказалось сущим кошмаром. На фото в факсе оно выглядело куда более перспективным, чем при ближайшем рассмотрении. Внутрь заглянуть я даже не решилась — заброшенный дом облюбовали бомжи. Обойдя его снаружи, я мрачно подумала, что есть только два способа всучить эту развалюху покупателям: убедить руководство «Мосфильма», что здание идеально подходит для съемок фильмов

ужасов и эпизодов о блокаде Ленинграда, или подговорить бомжей изобразить призраков фабрики и продать развалину какому-нибудь эксцентричному иностранному миллионеру в качестве дома с привидениями. О торговом комплексе или офисном центре и речи быть не могло. Оставалось надеяться, что Однорог сменит гнев на милость и забудет о своей дикой затее.

Начал накрапывать дождь, и я поспешно достала зонтик и зашагала к метро — прочь от кошмарного здания. Как хорошо, что я поддавалась на уговоры своей подруги Саши и взяла из офиса зонт. Правда, Сашка вручила мне его с другой целью: отбиваться от маньяков, которые водятся в этой неблагополучной части города в темное время суток. Подружка очень корила себя, что не может составить мне компанию: у ее папы этим вечером случился юбилей, к которому семья готовилась всю последнюю неделю, и она никак не могла откосить от праздничного застолья. Поэтому, вручив мне зонт как средство самообороны и взяв обещание позвонить ей по возвращении домой, Сашка выпроводила меня из офиса и понеслась забирать торт для юбиляра. Благодаря ее заботе я спасла пальто от бесславной гибели под бушующим ливнем и теперь по дороге к метро безуспешно боролась с порывами ветра, бездарно изображая Мэри Поппинс, готовящуюся взлететь к облакам.

Да, определенно девушке со страниц «Космо» совершенно нечего делать на московских улицах. Особенно в такой промозглый день, как этот. И зачем я только вырядилась с утра в высокие замшевые сапожки, короткую юбку и легкий топ, скопировав образ со сто семнадцатой страницы октябрьского номера журнала?

Я не миновала и половины пути к станции, как хляби небесные разверзлись, превратив улицы в венецианские каналы. Мои сапожки — моя гордость, моя прелесть и мое сокровище, за которые я выложила половину долгожданной премии и которым радовалась не меньше, чем Золушка хрустальным туфелькам, — превратились в уныло чавкающие калоши. Дождь горошинами бил по обтянутому капроном коленкам, которые я безуспешно пыталась спрятать под полами короткого пальто. Игривое колье, обвивавшее шею толстыми звеньями, из модной бижутерии превратилось в орудие пытки, холодя кожу льдом металла.

К счастью, за час дороги, проведенный под землей, ливень устал рвать облака и смирился с невозможностью обратить Москву в Венецию. Так что из перехода «Беляево» я вынырнула уже без опасений быть смытой с лица земли и бодрой походкой принцессы на горошине зашагала к дому. За свой внешний вид я могла не опасаться: дождь всегда был для меня лучшим стилистом и закручивал тщательно выпрямленные волосы в восхитительные спиральки — на зависть всем офисным кокеткам. Вот только сейчас мне эта красота ни к чему: время позднее, уже стемнело, не хватало еще какого маньяка на свою

голову соблазнить. Я прибавила шаг и уже собиралась свернуть на дорогу, ведущую к дому, как путь мне преградило неожиданное препятствие.

— Раскинулась лужа широко, — мрачно прокомментировала я, глядя на безобразие, отрезавшее короткий путь к дому.

Перейти его вброд я бы не решилась: моя замшевая прелесть такого купания уж точно бы не пережила.

Пришлось вернуться назад и нырнуть в зловещий сумрак дворика, окруженного с одной стороны складами магазинов, с другой — гаражами, с третьей — заброшенным павильоном, некогда бывшим пунктом приема стеклотары. Отличная декорация для фильма ужасов и мечта маньяка. Сквозной проход через арку редко прельщал припозднившихся прохожих, и, несмотря на то что через дворик можно было значительно срезать путь до ближайших домов, осторожные граждане всегда предпочитали идти в обход. Вот только в моем случае обход, а точнее, переход лужи вброд, завершился бы трагической гибелью сапожек, об обладании которыми я мечтала долгих два месяца. Оставалось надеяться, что в такую погоду приличный маньяк и собаку на улицу не выгонит, не говоря уж о себе самом.

Подбадривая себя таким образом, я быстро прошмыгнула половину пути и замешкалась, обходя лужу, коварно подкараулившую меня и здесь. Где-то слева мелькнула тень. Я ускорила шаг и ступила под арку.

Прямо на меня неслась женская фигурка, на тонкой шейке которой развевался алый шарф, а ее длинные ноги покачивались на высоченных шпильках. Еще одна жертва «Космо», чтоб его и весь глянец заодно!

— Жа-а-н! — протяжно провыла дева, протягивая руки.

Я едва увернулась от острых когтей, один из которых целился прямоком мне в глаз.

— Мы знакомы? — удивилась я, снизу вверх глядя то ли на девочку, то ли на ожившую картинку из журнала мод, назвавшую меня по имени. Я уродилась малявкой и со своим ростом могла претендовать только на место солистки в «Блестящих», тогда как длинноногая могла бы стать украшением любого подиума.

Дева тем временем бросила на меня недоумевающий взгляд и заverteгла головой по сторонам, отчего шарф на ее шее заколыхался шелковым цветком.

— Где он?! — визгливо воскликнула она, обращаясь ко мне. — Ты его видела? Куда он делся?

— Он улетел, но обещал вернуться, — хмыкнула я, бочком обходя сумасшедшую.

— Улетел?! — взвизгнула девица и схватила меня за локоть. — Ты видела это? Вот гад! — зло выругалась она, расцепив пальцы. — А врал, что не умеет!

Девушка нервно одернула шарф на лебединой шейке и опустила руки с идеальным маникюром.

— Сигаретки не будет? — устало поинтересовалась она.

— Не курю, — огорчила я, отрываясь от созерцания ее алых ногтей, разрисованных золотыми рыбками.

— Жаль, — протянула незнакомка, — а то я бы ему отомстила. «Данхил» он, видите ли, не любит, никотин отравляет кровь! Скотина! — зло выругалась она. — Я ради него сижу на кремлевской диете как проклятая, а он убегает.

— Ни один мужчина не стоит того, чтобы ради него сидеть на диете, — сочувственно поддакнула я. — Особенно на кремлевской. Вот если бы на шоколадной, как Ума Турман, или на клубничной, как Виктория Бэкхем, это еще куда ни шло.

— У него аллергия на шоколад, — грустно молвила дева. — А у меня — на клубнику.

— Не повезло, — пожалела я.

— Пойду напьюсь. Водки. И пусть у него потом голова болит! — решительно сказала она и, развернувшись, зашагала прочь, исчезнув за углом.

— Вот чего с нормальными девками диета делает, — буркнула я себе под нос, подивившись странной логике незнакомки, и шагнула из-под свода арки.

Но далеко не ушла, так как меня мягко подхватили под локоток и увлекли обратно, в полумрак арки. Я обернулась, ожидая увидеть чокнутую манекенщицу, но уткнулась в темные глаза неизвестного красавца. Я смущенно опустила ресницы, и моим вниманием целиком завладело его пальто. Кажется, я видела такое на Олеге Меньшикове в модном разделе какого-то журнала. И там было написано, что это новая модель от Армани! Но что делает мужчина в божественном пальто от знаменитого модельера в нашей подворотне?

Воспользовавшись моим оцепенением, красавец коснулся пальцами моего подбородка и приподнял его, а потом повернул вправо и влево, внимательно рассматривая мое лицо.

— Хорошенькая, — оценил он, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне.

— Это потому, что промокла, — огрызнулась я. — Обычно я ослепительная, неотразимая и божественная.

— С характером, — удовлетворенно произнес красавец и мягко уточнил: — Все сказала или мне нужно знать о тебе что-то еще?

— Я буду кричать, — предупредила я.

— Кричи, — легко согласился он.

Я открыла рот, демонстрируя серьезность своих намерений. А этот нахал закрыл мне его поцелуем! Долгим, волнующим, со вкусом кофе со сливками...

— Что вы делаете? — ошарашенно пробормотала я, чтобы хоть

что-то сказать, когда его губы отклеились от моих, предварительно впустив внутрь меня стайку бабочек и выбив почву из-под ног.

— Выражаю тебе свою симпатию,— мягко улыбнулся наглец.

«Отпустите!» — хотела возмутиться я и бежать со всех ног. Но вместо этого с вызовом спросила:

— Что же вы остановились? — и продолжила таять в его руках, властно обнимавших меня.

«Мужчина моей мечты!» — пищала от восторга Золушка внутри меня.

«Опомнись, дура! Это же маньяк!» — возражал ей голос разума.

«Принц!» — не унималась Золушка.

«Извращенец!» — констатировал голос.

«А если это судьба?» — не верила глупышка.

«Лох — это судьба,— невозмутимо признал разум и возопил: — Спасайся, дурица! Если не хочешь попасть в завтрашние новости под видом расчлененки».

— Забавно,— пробормотал то ли принц, то ли маньяк, гипнотизируя меня глубокими карими глазами, и, притянув меня за кольцо, как за поводок, одарил еще одним поцелуем.

«Принц! Дура! Мужчина мечты! Маньяк! Судьба! Извращенец!» — кричали голоса в моей голове.

— Как тебя зовут? — оторвавшись от меня, спросил он.

— Жанна,— хрипло выдавила я.

— Тезка? — удивился он.— А я — Жан.

— Ты что, француз? — Я уловила мурлыкающий акцент в его речи.

— Что ты сегодня ела? — проигнорировав мой вопрос, неожиданно заинтересовался незнакомец.

— В каком смысле? — хихикнула было я, но запнулась о его серьезный взгляд и уточнила: — На завтрак или на обед?

— Вообще.

— Творожок, какао, овощной салат, куриный суп, плов,— послушно перечислила я, гадая, с чего бы вдруг такой интерес. И, кажется, догадалась! — Кстати, я сегодня еще не ужинала,— намекнула я, ожидая приглашения в ресторан.

А что, и одета я соответственно! Не зря все-таки вырядилась по указке «Космо». Жалко, сапоги намокли, ну да их и под стол спрятать можно. Я уже обдумывала, как эффектно будет смотреться топ, расшитый стразами, в мерцании свечей, как принц протянул:

— А плов был свежий?

— Плов как плов.— Я пожала плечами, не понимая, куда он клонит и почему тянет с приглашением.

— А чеснока,— он с негодованием потянул носом,— чеснока там случайно не было?

— Я обязательно спрошу завтра у нашей буфетчицы,— пообещала я.— И возьму подробный рецепт,— неожиданно добавила я, тут же

себя отругав. Ага, еще скажи давай, что готова варить ему борщи и приносить газету и тапочки. Вот так сразу, в первые пять минут знакомства.

Да что на меня такое нашло-то? Да, он красавец, но у меня еще не такие среди клиентов были. Между прочим, я подбирала квартиры даже телеведущему Ястребову и актеру Скрипкину, попавшим в сотню красивейших людей Москвы, и не терялась рядом с ними. От страстного Скрипкина даже отбиваться пришлось. Такая стойкость далась мне непросто, но у меня принцип — с женатиками не связываюсь. И даже ради секс-символа, которого читательницы журнала «Гламур» записали на третью строчку самых желанных мужчин России и плакатами с фотографиями которого было обклеено полгорода, я исключение не сделала. Почему же рядом с этим безвестным и дерзким ловеласом из подворотни я чувствую себя беспомощным котенком, готовым на все?

— А куриный суп? — не унимался мужчина мечты. — Он из наших кур или из американских? Или, — у него аж дыхание перехватило, и он с содроганием озвучил свою догадку, — из этого дурацкого кубика?

— Меня что, снимает скрытая камера? — расхохоталась я и дурашливо спросила, поглаживая живот: — Эй, уважаемая кура, будьте так любезны, ответьте: чье гражданство вы имели до того, как попасть в суп? — Я подняла смеющиеся глаза на принца. — Молчит, зараза!

— Такая девушка, как ты, должна следить за здоровым питанием, — гнул свою линию он.

— Какая — такая? — Я простодушно купилась на комплимент.

— Ослепительная, неотразимая и божественная, — усмехнулся он, передразнивая меня.

Я вспыхнула, но он тут же погасил мой гнев своими словами:

— Красивая, модная, стильная. — Он оценивающе скользнул взглядом по одежде, выглядывающей из-под распахнутого (когда только успел?) пальто. — Гламурная, — добавил он, удовлетворенно оглядев мои прелестные сапожки, и, я готова поспорить, в его глазах сверкнул блеск узнавания.

«А ведь правда — извращенец!» — успела подумать я, когда губы принца накрыли мои в третий раз. «Но ведь красавец!» — млела Золушка, закидывая руки ему на шею. «Да посмотри на него — он же гей! Он узнал марку сапог!» — взывал голос разума. «Геи не целуют девушкам руки!» — с ликованием возразила Золушка, когда ладонь подзреваемого во всех грехах крепко обхватила мое запястье и по коже скользнул холодок губ, а затем ее обожгло мокрым теплом. Я отрешенно смотрела на то, как под губами принца, припавшего к моей руке, расплывается темное пятно, а тишина наполняется вкрадчивым лаканием. Но только до тех пор, пока струйка крови не сбежала с запястья и не пролилась цепочкой бордовых брызг на мое безупречное кремовое, расшитое бисером пальто «Поллини». В это ультрамодное

и супергламурное пальто я влюбилась с первого взгляда на витрину магазина и была близка к самоубийству при виде ценника. Три дня я занимала деньги по всем знакомым, уже две зарплаты выплачивала долги и еще до конца не расплатилась. Осталось рассчитаться с Сашей и с соседкой Настей, которые любезно согласились подождать. И вот теперь какой-то маньяк его погубил! Да одной капельки крови на моем нежно любимом пальто было бы вполне достаточно для того, чтобы разбудить во мне зверя. А уж при виде десятка ужасных пятнышек во мне и вовсе проснулся Терминатор.

— Черт! — взревела я, вырвав руку, и с силой оттолкнула от себя принца, в одно мгновение потерявшего корону и превратившегося в маньяка — убийцу роскошного пальто. — Вот урод! — негодовала я, зажав другой рукой рану на запястье, и оглядывала пальто, прикидывая причиненный ущерб. — Бедненькое мое, любименькое, только не покидай меня! Обещаю, я тебя реанимирую в химчистке, будешь как новенькое, будто только из рук кутюрье! Завтра же!

Маньяк, судя по ошалевшему виду, такого отпора не ожидал. Он вытер окровавленные губы рукой, эротично облизал пальцы и с интересом уставился на меня.

— Хотя нет, какое завтра? — осадил себя я. — Такие пятна надо выводить немедленно! Эй, Чикатило, — неприязненно покосилась я, — в Москве есть круглосуточные химчистки?

Тот неопределенно булькнул, замороженно глядя на кровь, хлещущую из-под моих пальцев, и подался вперед.

— Эй, даже не думай! — предупредила я, отшатнувшись, и едва устояла на ногах. Потеря крови давала о себе знать головокружением и подступающей к горлу тошнотой.

Но маньяк оказался быстрее: одним прыжком он преодолел расстояние между нами и с жадностью вгрызся в мое многострадальное запястье.

— Да кем ты себя возомнил, Дракула недоделанный? — проскулила я и, собрав все силы, вырвалась из его хватки, а потом, вложив в удар всю свою ненависть, врезала ему промеж очей. Правой раненой рукой.

Даже я недооценила Терминатора в себе, чего уж говорить о маньяке, не ожидавшем подобной прыти от сублильной девицы. В какой-то момент мне даже показалось, что его голова слетит с шеи. Но ничего такого не произошло: маньяк сдавленно охнул, схватился за лицо и принялся торопливо оттирать мою кровь со своих щек. Надо же, с удовлетворением отметила я, я не только запачкала его своей кровью, но и умудрилась разбить ему нос и губу. До маньяка доходило долго, но наконец дошло.

— Бешеная, — сдавленно охнул он, глядя на свои запачканные красным ладони, — что ты натворила?

— Я всего лишь спасала свое пальто, — оскорбилась я. — Ну и девичью честь заодно.

— Наша кровь смешалась, — в панике прошептал он, продолжая тащить на свои руки.

Я перевела взгляд на свою руку, которая все еще была сжата в кулак, и успела заметить, как капля черной крови, скатившись с костяшек пальцев, добралась до раны на запястье и смешалась с моей алой кровью. К горлу подкатила волна тошноты, как будто с этой черной каплей в меня проникла смерть.

— Моя кровь теперь в тебе, — обреченно выдохнул маньяк.

И тон, которым это было сказано, мне совсем не понравился.

— Эй, только не говори, что ты болен СПИДом! — Я ужаснулась от внезапной догадки.

— Я болен на голову, раз связался с тобой, — прорычал он, обрушив кулак на стену арки. — Но разве я мог знать, что ты такая бешеная?

— Нечего было кусаться, — передернула плечами я, чувствуя, как перед глазами все плывет и больше нет сил сдерживать тошноту. «Прости меня, мое пальто», — успела подумать я, прежде чем окончательно погубить кремовый кашемир позорными пятнами и врезаться лбом в асфальт.

Музыкальный центр включился в семь двадцать утра, возвращая в реальность и напоминая о необходимости топтать на работу вне зависимости от моего желания, хотения и катаклизмов за окном. В это утро «Русское радио» одарило меня песней Валерия Меладзе:

Но ярко-красный огненный цветок
Ты сорвать однажды захотела
И опять, как белый мотылек,
На его сиянье полетела.
Только сложится нелегко
Дружба пламени с мотыльком.

Гороскопам я не верила, а вот в случайной песне, с которой начался мой день, всегда искала тайный смысл. Если композиция была нежной и лиричной, скорее всего и день ожидается спокойным, безмятежным и сулит романтику. Если музыка попадетя быстрая и веселая, то и денек ждет суетный и придется вертеться как белка в колесе. Впрочем, тому было вполне логичное объяснение: когда тебя будят ласковые завывания Валерии, просыпаешься спокойной и умиротворенной и весь день паришь, «словно нежное перышко на двух крылышках у судьбы». А когда из сна тебя вырывают громогласные вопли «Фабрики», обещающие романтику в самолетах и автомобилях, то все — покоя не жди. Как скатишься кубарем с постели, так весь день и

будешь нервно ерзать на офисном стуле, предвкушая «карусель звонков и эсэмэсок».

На этот раз песня попалась надрывная и пронзительная, и, пока я собирала постель, из динамиков повторялось:

Самба белого мотылька
У открытого огонька.
Как бы тонкие крылышки
Не опалить!
Лучше мало, да без тоски
Жить, как белые мотыльки,
И летать себе недалёко
От земли.

Нечасто меня будят такие песни, но уж если будят, то жди сюрпризов и перемен. И не факт, что приятных! Прикидывая, какую пакость мне готовит день грядущий, я на автопилоте протопала в ванную, включила зубную щетку, две минуты промаялась перед зеркалом, скаля зубки и изо всех сил тараща глаза, которые так и норовили сузиться в щелки.

— Поднимите мне веки,— простонала я, запрыгивая в тапки, прошлепала в кухню и включила чайник. Из комнаты теперь голосил Дима Билан, позиционируя себя как ночного хулигана:

Ну и что, ну и что
Сильный-смелый зато,
Загорелый зато
И хожу в пальто.

Я замерла, осененная внезапной догадкой, развернулась и понеслась в коридор.

Пальто, все покрытое подсохшими кровавыми, серыми и зеленоватыми пятнами, печально висело на вешалке. Сапоги, уныло свесив голенища, аккуратно стояли рядом. Это меня убило больше всего. Скукожившиеся и все еще влажные сапоги, которым я никогда не позволила бы провести целую ночь в столь плачевном состоянии, были аккуратно прислонены к стене. Я сама никогда бы не стала выравнивать их носки по линейке и уж тем более не позволила своей драгоценной обновке киснуть в коридоре бесформенной кучей. Значит... Я быстро схватила сумку, вытащила кошелек, документы, кредитки. Все было на месте. Меня не обокрали. Но надо мной жестоко надругались! Повесили пальто, на которое без слез не взглянешь, на видное место в прихожей. Бросили мои прелестные сапожки на мокрую погибель... Но прежде забралась в мою квартиру!

Словно в насмешку надо мной, из комнаты несло:

Ты попала в капкан,
А ключи у маман.
У меня есть наган
И хороший план.

Ключи, висевшие на крючке в прихожей, подтверждали мою версию о вторжении извне. Я всегда оставляла их в замочной скважине и еще щеколду на ночь задвигала. На этот раз щеколда была открыта. Значит, дверь открывала не я и уж тем более не я ее закрывала. Ну, извращенец, погоди!

Я закипела одновременно с чайником, влетела на кухню, бросила в чашку две ложки кофе и сделала пару осторожных глотков, пытаюсь привести в порядок мысли.

Мысль первая, неутешительная: все, что произошло вчера в подворотне, не кошмарный сон. На меня напали, меня целовали, меня укусили и меня заразили чем-то неприятным. Как вспомню перекошенное лицо брюнета — так вздрогну. Причем реакция у него была такой, как будто это не он меня заразил какой-то гадостью, а я его — целым венерическим букетом и импотенцией в придачу. Впрочем, насчет последнего я не так уж сильно и ошибаюсь: после моей вчерашней оплеухи у этого фрукта надолго пропадет охота кусать незнакомок в подворотнях.

Мысль вторая, ошеломляющая: и все-таки, после того как я постыдно шлепнулась в обморок, маньяк не сделал ноги, а почему-то проявил неожиданную заботу и приволок меня домой...

Будем вместе всегда —
Дни, недели, года,
Не умрем никогда,
Да, да, да, да, да! —

не унималось радио.

Стоп, а откуда он узнал, где я живу?

Глоточек кофе живо прояснил ситуацию и подбросил правдоподобную версию. В сумочке он обнаружил паспорт и ключи от дома, адрес которого указан в прописке. Что ж, маньяку повезло, что я в отличие от многих и в самом деле живу там, где прописана. А еще ему повезло, что у нас в доме нет консержки, а кодовый замок открывается с помощью магнитного ключа, прилагающегося к связке. Так, с этим понятно. Он доставил мое бесчувственное тело домой, открыл дверь моим ключом. После чего ключ повесил на крючок, стянул с меня пальто и сапоги, а дальше... Я отставила в сторону чашку и ошалело перевела взгляд себе на грудь. А дальше этот извращенец зачем-то раздел меня до нижнего белья, умыл (потому как следов косметики и пребывания лицом в луже я во время чистки зубов не обнаружила) и уложил спать.

Интересное кино получается! Я с опаской огляделась по сторонам: кто этого маньяка знает, может, после праведных трудов по доставке моего тела по месту жительства он так притомился, что и сам решил отлежаться до утра в укромном местечке и отдохнуть? Но беглый осмотр квартиры эту версию не подтвердил — я была одна.

Вернувшись на кухню, чтобы допить остатки кофе, я устало опустилась на табуретку и только сейчас заметила листок голубой бумаги, прищиленный к холодильнику магнитом-апельсином. Нервным, остроугольным почерком на нем было написано: «Никуда не выходи. Задвинь шторы. Жди гостей. Тебе все объяснят. Извини, Ж.»

— Нашел дуру! — возмутилась я, скомкала писульку и бросила ее в мусор.

Так-так, значит, прежде чем покинуть квартиру и аккуратно прикрыть за собой дверь, маньяк нацарапал мне записку. Да какую! Сиди дома и жди, пока к тебе придут и по башке наступчат.

И все-таки что-то не складывается. Если он собирается вернуться, да еще не один, а с подельниками, зачем ему сообщать мне о своих намерениях? Ведь убедился же, что я не похожа на затюканную клушу, которая будет послушно ждать своей участи. Или надеялся, что я к его приходу пирожки испеку? А то и лягушачьи лапки потушу (или что с ними делают), памятуя о его французском происхождении? А что, если он и впрямь меня заразил каким-нибудь жутко прилипчивым вирусом и смысл записки в том, чтобы посадить меня на карантин до приезда эпидемиологов? Ну нет, больше смахивает на голливудский триллер, нежели на реальные будни. Будни, будни... Блин! Я же на работу опаздываю! А уж если опоздаю, тогда будет мне психологический триллер с вызовом к начальству на ковер (второй день подряд я этого не переживу!) и фильм-катастрофа в виде лишения долгожданного отпуска в одном флаконе.

Через десять минут, развив космическую скорость и установив свой личный рекорд по сборам на работу, я уже мчалась к лифту. В офис я прибыла паинькой — за две минуты до начала рабочего дня, без капли макияжа, с благопристойным пучком, в кожаном плаще, не соответствующем промозглой погоде (но другого не было!), и в ладно сидящем по фигуре, но очень неброском джинсовом платье с глухим воротником и длиной юбки, целомудренно прикрывающей колени. Это платье было самым скучным в моем гардеробе и вынималось только в случае форс-мажорных обстоятельств, когда не было времени тщательно подбирать одежду. Сегодня был как раз такой случай. И судя по удивленно-ликующему взгляду секретарши, привыкшей к моим далеким от делового однообразия нарядам, мне удалось поднять ей настроение. Ангелина аж расцвела, поняв, что сегодня я ей не конкурент.

— Доброе утро, Жанночка! — пропела она, проплывая мне навстречу по коридору, и с нескрываемым злорадством посочувствовала: — Ты что, заболела? Какая-то ты бледная.

Ангелину следовало бы назвать Дьяволиной — от козней этой длинноногой стервы страдала половина офиса.

— Доброе утро, Поганкина! — в тон ей радостно отозвалась я, не удостоив ответом на вторую часть тирады, и удовлетворенно отметила, как вытянулось ее смазливое личико. А нечего меня бледной обзывать, когда сама с такой фамилией уродилась.

Секретарша злобно зыркнула на меня и сердито застучала каблучками, сворачивая в приемную.

Ангелина с царской гордостью носила свое редкое имя и страшно комплексовала из-за фамилии. Сдается мне, именно по этой причине секретарша была одержима идеей выйти замуж — чтобы скорее вписать в паспорт фамилию, более подходящую ангельскому имечку. Своими откровенными домогательствами она донимала всех перспективных (выше сторожа) кандидатов, не делая различий между холостыми и женатыми. В данный момент Ангелина вела охоту на начальника службы безопасности Алексея, и весь офис горячо сочувствовал бывшему военному, не обремененному семейными узами. Такого счастья, как Дьяволина, добродушному Алексею не пожелала бы и отвергнутая, а оттого страшно злая на него усатая менеджер Карина. А всех сбежавших женихов секретарши ждала одинаковая участь: верные супруги записывались ею в слабаки и подкаблучники, а холостяки — в геи и импотенты. После чего Ангелина недели две со скорбью в лице и с наслаждением в голосе трепалась в курилке о постыдных тайнах ее несостоявшегося супруга, находя в совершенно невинных поступках несчастного кандидата все новые доказательства его вины. В начале третьей недели секретарше надоедало гнобить бракованного жениха, и она с энтузиазмом переключалась на другого бедолагу.

Я юркнула в свой отдел, избавилась от плаща и расслабленно плюхнулась в рабочее кресло. Мне пришлось преодолеть такой марафон, чтобы успеть на работу за минуту до часа X, что ноги на каблучках нещадно ныли.

— Наконец-то! — бросилась мне навстречу Саша. — Ты почему вчера не позвонила? Мобильный отключен, домашний не отвечает. Я уже не знала, что и думать!

— Извини, Саш, я вчера так устала. — Я блаженно растеклась в кресле.

— Жан, — осторожно поинтересовалась Саша, — что это с тобой?

Нет, ну почему обязательно нужно обратить внимание на то, что я не накрашена? А я еще считаю ее своей подругой! Я обиженно отвернулась к стене, вытащила косметичку и быстренько нарисовала себе губки оттенка «Вишневые сливки» и пару раз провела щеточкой с тушью по ресницам. Потом удовлетворенно взглянула в зеркальце — и все-таки макияж всему голова!

— Так лучше?

— Классный блеск, — оценила Саша, — дашь в обед накраситься? И все-таки — что у тебя с рукой?

— С рукой? — удивилась я и, опустив глаза, закусила губу, мгновенно подпортив глянцевую гладкость свеженанесенного блеска. Из-под тугого манжета платья выбился бинт, стягивающий запястье. Так получилось, что повязку я обнаружила только в тот момент, когда в спешке надевала платье. Подивилась неожиданной заботе маньяка, перевязавшего мне рану, но времени снять бинт у меня уже не было. Поэтому, спрятав его под манжету, я решила проверить состояние раны, улучив минутку на работе. Вот уж не ожидала, что рукав задерется по дороге в офис, а Сашка окажется такой глазастой! — Собака укусила, — брякнула я, застигнутая врасплах вопросом, и уставилась немигающим взглядом в монитор, давая понять, что не настроена на комментарии.

Но Саша не собиралась униматься. Наши столы стояли вдоль одной линии, и она просто развернула кресло, повернувшись ко мне, и уставилась на меня с выражением молчаливой скорби.

— Ну что? — не выдержала я, оторвавшись от чистки почтового ящика от спама.

— Жан, я ведь твоя подруга, — напомнила Сашка, укоризненно глядя на меня из-под длинной золотисто-русой челки. — Ты можешь доверять мне.

Я запнулась о ее взгляд и мысленно выругалась. Нет, ну не рассказывать же ей, как я опозорилась в подворотне, сперва обомлев в объятиях маньяка, а потом облевав роскошное пальто и упав лицом в лужу. Тогда моя репутация будет безнадежно подмочена. А ведь репутация как девственность. Однажды потеряешь — уже не вернешь. Сашка, конечно, никому не расскажет, но и я не хочу, чтобы у моего позора были другие свидетели, кроме меня и маньяка на букву «Ж». Саша истолковала мое молчание на свой лад и осторожно сказала:

— Жан, я ведь обо всем догадываюсь.

— Да ну? — насторожилась я. — О чем это, интересно?

— О твоей руке... которую собака покусала.

Я машинально спрятала запястье с повязкой под стол.

— Вот видишь! — укоризненно заметила Саша. — Не было никакой собаки. А если бы и была, ты бы сейчас всю размахивала руками и ругала почем зря и собаку вплоть до ее предков в десятом колене, и ее безмозглого хозяина, и ныла бы у меня на груди, что ты не хочешь делать уколы от бешенства.

Это точно, я такая. Если меня разозлить — злость моя будет громкой, да и понить я люблю — с чувством, с надрывом, в полный голос.

Я промолчала, признавая правоту Сашкиных домыслов и мучительно соображая, что бы такое придумать, лишь бы не говорить правду.

— А сейчас ты отчаянно думаешь, что бы мне такое правдоподоб-

ное наврать, чтобы я от тебя отвязалась, да? — печально вздохнула Саша.

Я сконфуженно отвела глаза.

— Жан, он что, тебя бил? — обеспокоенно взглядываясь в мое лицо, спросила подруга.

— Кто? — дрогнула я.

— Ну этот твой, ради которого ты вчера так расфуфырилась, — неопределенно пожала плечами Саша.

Ах вот оно что! Сашка меня еще вчера весь день пытала, куда это я так вырядилась, и не желала верить в то, что модное пальто и замшевые сапожки вытащены из шкафа ради заурядного похода на работу. В течение дня Саша выдвигала различные версии моего вечернего досуга: от романтического ужина до вручения премии «Гламур года», которая, по иронии судьбы, проходила вчера. Как бы мне хотелось, чтобы ее последнее предположение оказалось верным! Но вчера, вместо того чтобы блистать перед вспышками фотокамер в пафосном клубе, я, как какая-нибудь горемычная Золушка, месила глину в районе Котловки. Моими любимыми сапожками! Которые я с таким трудом отхватила на распродаже и которые теперь безнадежно погибли, как и пальто. А все подлый Однорог!

— Вот гад! — воскликнула тем временем Сашка.

— Ага! — поддакнула я, имея в виду зловредного Однорога. До вчерашнего дня он и не планировал браться за этот безнадежный заказ и даже выбросил заявку в мусорную корзину. А вчера ему захотелось меня унижить, и вот вам пожалуйста — дизайнерские шмотки безнадежно испорчены, а маньяк-кровопийца знает, где я живу.

— Он издевался над тобой? — Голос Саши дрогнул.

Можно ли считать издевательством его вчерашнее задание?

— Еще как! — горячо подтвердила я. — Видела бы ты, какое удовольствие это ему доставляет!

— И как ты это только терпишь?! — дрожа от возмущения, выкрикнула Саша.

— Сама себе поражаюсь, — призналась я. — Наверное, все дело в том, что на носу распродажи.

— Жанна, — с ужасом протянула Саша, — и ты ради своих шмоток готова терпеть любые издевательства?!

— Ради того волшебного изумрудного топа от Фенди и шикарных джинсов от Дольче я готова на все, — твердо сказала я.

— Ну уж нет! — Сашка вдарила кулаком по столу. — Я как твоя подруга просто обязана вмешаться и спасти тебя!

— Ты хочешь одолжить мне денег? — оживилась я.

— Я поговорю с этим отморозком! — решительно заявила Саша.

— Не надо, Саш, — испугалась я. Не хватало, чтобы еще подруга навлекла на себя немилость Однорога и тот сослал бы ее в наш боб-

руйский филиал продавать какую-нибудь забытую богом свиноферму. А что, с него станется!

— Нет, я это так не оставлю,— горячилась Саша.— Он за все ответит!

— Не переживай, Саш, я сама найду повод с ним поквитаться,— мстительно пообещала я.

Со стороны Однорога было крайне неосмотрительно так унизительно наказать меня за потерю клиента. Разведенная рублевская дамочка Илона Горячкина, доверившая нам поиск нового жилища, была особой капризной, непостоянной и сама не знала, чего хотела. К несчастью, мучиться с мадам Горячкиной выпало именно мне. За последний месяц я подыскала для нее двадцать вариантов квартир и загородных домов. Горячкина не одобрила ни один! В первую встречу она не смогла четко сформулировать свои желания, и я предложила ей возможные варианты. Горячкина категорически отказалась от загородного дома и возжелала шикарные апартаменты в центре города с видом на Кремль. Когда таковые нашлись и я привезла мадам на место, Горячкина скептически оглядела башни Кремля, прошлась по балкону, вдохнув загазованного столичного воздуха, поразились обилию машин под окнами и изрекла, что это совсем не то, чего она хочет. Илону осенило, что ей нужен домик в деревне! Точнее, не домик, а дворец, и не в деревне, а в элитном поселке, и чтобы под окнами — непременно пруд с лебедями, и чтобы воздух чистейший, как на курорте. Один из предложенных мною «дворцов» она отбрила, едва услышав название поселка: «Девушка, и как вы себе представляете, что я скажу друзьям, что живу в Жабкино?!» После такого заявления предложить ей дома в поселке Голубой залив и у горы Кудыкино, на осмотр которых я потратила два рабочих дня, я не решилась. В Царской Горке Горячкиной не понравился дом, в Ангелово слишком громко квакали лягушки. При звуках их пения Илону осенило снова: в деревне она жить не может, ей нужна только городская квартира. Сашка к тому моменту успела проверить три сделки и получить хороший процент, а я все мучилась с Горячкиной. Словом, после того как Илона забрала двадцатый вариант, я не выдержала и высказала мадам все, что думаю о ее деловом подходе. Горячкина, в соответствии со своей фамилией, разбиделась насмерть, отказалась от услуг нашего агентства и ушла изводить конкурентов. А Однорог, на которого Илона напоследок излила весь запас своего яда, в свою очередь обозлился на меня и устроил выволочку за потерю особо ценного клиента!

— Лучше бы тебе забыть о нем раз и навсегда,— посоветовала Саша.— Мужчина, способный на такое, не достоин твоего внимания!

— Я бы и рада забыть,— усмехнулась я,— да не могу.

— Жанна,— Саша даже поперхнулась от возмущения,— только не говори, что ты его любишь!

— Да я его терпеть не могу! — поспешно открестилась я.

— Что же тебя связывает с этим негодяем? — поразились Саша. — Ну, кроме денег, которыми он тебя спонсирует?

— Спонсирует?! — рассердилась я. — Да он за эти жалкие гроши из меня всю душу выматывает!

— Ну и разве это того стоит? — справедливо заметила Саша.

— А ты как думаешь? — риторически вздохнула я. Сашке ли не знать, какая тут зарплата! Чтобы заработать на божественную сумочку «Мэрилин» от Луи Виттон, нужно неделю горбатиться, как папа Карло.

— Я думаю, тебе стоит порвать с ним немедленно! — безапелляционно заявила подруга.

— Что, прямо вот так вот пойти и написать заявление об увольнении? — оживилась я.

— При чем тут увольнение? — поумерила пыл Саша.

— Ты же только что посоветовала мне порвать с Однорогом. А для этого есть только один способ — уволиться из «Милого дома».

Сашка изменилась в лице и гневно проскрежетала:

— Жанна, так это он? Это Однорог? Он с тобой сделал это? Старый извращенец!

— Сашка, ты чего? — заволновалась я. — Ты о чем?

— Это он тебя избивает? Это его рук дело? — Она указала на мое забинтованное запястье и смятенно проскулила: — Жанна, так ты с ним...

— Саш, перестань молоть чепуху! — вскипела я. — Как тебе такое только в голову могло прийти?! А еще подруга называется.

— Но ты же только что сама говорила... — растерялась Саша.

— Я говорила, что Однорог измывается надо мной как мой босс, — внесла ясность я. — Тебе ли об этом не знать? А ты чего себе напридумывала?

— А я думала, ты говоришь о своем любовнике-садисте, — нахохлилась Сашка.

— Ну и фантазия у вас, барышня!

— Тогда кто он? — нахмурилась Саша.

— Кто он? — в замешательстве повторила я, думая, что бы такое сообразить, чтобы не говорить правду о маньяке. — Он хороший парень. И никакой не садист!

— Блондин или брюнет? — прищурилась Саша.

— Брюнет, — машинально ответила я и прикусила язык. А впрочем, что такого? Хочет Сашка найти виновного в моей травме, флаг ей в руки и помело в придачу. Навру, что попали с ним в легкую аварию, и дело с концом.

— Он что, знаменитость какая, раз ты его так скрываешь даже от меня? — продолжила раскалывать меня подруга.

Тут в голове у меня что-то перемкнуло, и перед глазами побежали кадры черно-белого французского фильма с темноволосым красав-

цем в роли бесстрашного мушкетера... Так вот кого мне напомнил мой маньяк — актера из любимого фильма моей мамы! Но этого не может быть. Фильм снимали полвека назад, а маньяку — от силы лет тридцать. Столько же, сколько было актеру на момент съемок фильма... И этот укус его странный, и эти прикосновения его, с ума сводящие... Да нет, ну не может же этого быть! Ой мамочки...

— Ну точно! — воскликнула Саша, расценив мое потрясенное молчание как знак согласия. — Он какой-нибудь чокнутый суперстар, который не слезает со страниц желтухи, и ты боишься, что слухи о вашем романе просочатся в прессу, и даже мне словечка не говоришь!

— Ой, Сашка, не придумывай! — слабо возразила я, чувствуя себя невестой Дракулы. — Что-то мне нехорошо, сделаешь кофейку?

Заботливая подружка мигом сорвалась с места, схватила чайник и унеслась за водой. Убедившись, что осталась в комнате одна, я быстро расстегнула манжету и размотала бинт.

Бурые пятна на марле свидетельствовали о том, что рана была и укус мне не приснился. На запястье остался ровный разрез, как от хирургического скальпеля, на его краях запеклась кровь, но рана уже медленно затягивалась. Уф, значит, вампиром я не стала, иначе бы под бинтами обнаружилась целая кожа безо всяких повреждений. Я в облегчении откинулась на спинку кресла и уставилась в ставшие блюдцами глаза Сашки, с ужасом замершей у стола. Видно, я слишком долго медитировала над порезом, а Саша слишком торопилась сделать мне чашечку кофе.

— Жан, — ее голос дрогнул, — ты что, Жан... Ты это из-за него? Из-за этого придурка?

— Сашка, ты что говоришь?! — Я почувяла неладное.

— Жан, ты из-за этого уroda себе вены резала? — Саша сдавленно всхлинула. — Он тебе что, изменил, Жан? Он тебя бросил, Жан? Лучше бы он тебя побил... А ты, Жан... Сама!... Жан...

Когда подруга начинает вставлять мое имя через каждое словечко, значит, вот-вот разразится буря и слезопад.

— Александра, перестань пороть чушь! — возмущенно прикрикнула я, и готовая разрыдаться Сашка умолкла. Александрой я называла ее только в минуты гнева, и полное имя из моих уст обычно действовало на нее отвлекающе.

Чувствуя себя героиней какого-то дурацкого фарса, я малодушно соврала:

— Мы попали в аварию.

Не говорить же подруге, что на меня напал маньяк с повадками вампира?

— Мы ехали на машине, и я поранилась о стекло, — отводя глаза, утонула я.

— Жанна, ну что ты врешь! — в сердцах воскликнула Саша.

— Что у вас тут происходит? — В дверь заглянула Анфиска из со-

седней комнаты.— Личная драма? — с надеждой спросила она, оглядев наши растерянные лица.

— Настоящая трагедия! — всхлипнула Сашка.

С ума она, что ли, сошла? Не хватало ей еще поведать версию о моем неудачном самоубийстве первой сплетнице офиса и лучшей подруге Дьяволины. Я сделала большие глаза и исподтишка показала Сашке кулак.

— Жанка отхватила новую сумку от Гуччи, а мне не говорит где! — плаксиво сообщила Саша.

— Ну и стерва же ты, Бессонова,— довольно ослабилась Анфиса, исчезая за дверью.

— А что? — зашипела на меня Саша, когда мы остались вдвоем.— Что я должна была ей сказать? Правду?

— Александра, я не знаю, что ты там себе напридумывала, но это чудовищная ложь! — взбеленилась я.— Я не такая дура, чтобы резать себе вены из-за каких-то там тупых блондинов!

— Брюнетов,— поправила меня подруга.

— Тем более — брюнетов,— ледяным тоном подчеркнула я.

— А что же тогда произошло? — обеспокоенно спросила Саша.

А ведь ее не остановишь, уныло подумала я и трагическим тоном поведала:

— На меня напал маньяк...

Версия про маньяка, который черной тенью возник из-за угла и полоснул меня по запястью острой бритвой, Сашку вполне устроила. Она охала, ахала, тактично не стала выпрашивать подробности и не выказывала недоверия, будучи убежденной в том, что такими вещами не шутят.

— Что ж ты мне сразу не сказала, дурында? — мягко пожурила она меня.

— Не хотела тебя расстраивать.— Я отвела глаза.

— Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается,— приободрила подруга и поспешила перевести разговор в рабочее русло, дабы отвлечь меня от мрачных мыслей.

Я и рада была.

Вот только сосредоточиться на рекламном описании заброшенной фабрики для базы данных я не могла. Перед глазами стоял неотразимый Жан в своем эксклюзивном пальто, и я не могла сочинить ни строчки. Я выпила две больших чашки кофе, но в голове так и не прояснилось. Зато наконец-то стало светлее за окном, и я порадовалась началу дня, предвкушая, как возрастет моя трудоспособность с появлением солнышка. Впрочем, в это время года рассчитывать на солнце было бы наивно, но даже при тусклом естественном освещении моя голова соображает существенно лучше, чем при свете мощнейших офисных ламп. Я хмыкнула, вспоминая записку, оставленную мне маньяком, и набрала первые строчки объявления...

Целый час я просидела за клавиатурой не разгибаясь, увлеченная процессом и вдохновленная мечтой о премии, на которую можно будет купить новые сапожки взамен безвременно почивших, а потом меня отвлек какой-то странный бряцающий звук. Я в недоумении оглянулась на Сашку (в нашем кабинете на двоих она могла быть единственным источником шума) и обнаружила, что она в изумлении тараторит на меня своими неприлично синими глазами-блюдцами.

— Жан, тебе холодно? — обеспокоенно спросила она, аж раскрасневшись от волнения.

И только тогда я поняла, что странный бряцающий звук издают мои зубы, а пальцы, переставшие быстро стучать по клавишам, мгновенно заледенели.

— Жан, я заметила, что ты стучишь зубами, и включила кондиционер на обогрев, — растерянно поведала Сашка, обмахиваясь пластиковой папкой. — Ты немного согрелась, но потом опять дрожать стала. Я жару добавила. Потом еще, и еще... А ты все зубами стучишь и ежишься.

Стараясь унять дрожь и перестать выстукивать зубами траурный марш, я ошарашенно смотрела на Сашу, сбросившую жакет и оставшуюся в легкой кофточке с короткими рукавами, на ее раскрасневшееся от тепла лицо, на папку-веер в ее руках и понимала, что в кабинете стоит просто курортная жара — градусов тридцать, не меньше. Закусив губу, я подняла глаза на кондиционер.

— Я поставила его на максимум, — тут же отозвалась Саша. — Жан, ты не заболела?

Я обхватила себя за плечи, стараясь согреться.

— Жан, да тебя знобит не по-детски, — сочувствующе пробормотала Саша, вскакивая со своего места. Через мгновение ее обжигающе-горячая рука уже щупала мой лоб. — Да ты ледяная, как покойник, — вконец обеспокоилась подруга.

— Наверное, простыла вчера, когда домой возвращалась, — глухо сказала я.

— Да нет, подруга, у тебя не простуда, иначе бы ты сейчас температуру, — озабоченно ответила Сашка, — а озноб. Наверняка вирус какой-то подхватила.

Я вздрогнула и, наверное, еще больше посерела лицом, отчего Саша разволновалась еще сильнее.

— Вот что, — решительно объявила она, — давай-ка быстро соберись домой, а я пойду кого-нибудь из наших водителей найду.

Вообще-то личный шофер полагался только высшему руководящему составу, но у меня уже не было ни сил, ни желания возражать. На метро я в таком состоянии точно не доеду. Сашка умчалась: отпрашивать меня у Однорога и договариваться о транспортировке моего холодного тела к родным пенатам.

Через несколько минут в кабинет ворвалась недоверчивая Ангелина.

— А, Геля, ты,— радостно приветствовала ее я, зная, как секретарша ненавидит, когда сокращают ее роскошное имя.

— Да уж, покойники и то лучше выглядят,— довольно хмыкнула вредина и отбыла восвояси, с притворным сочувствием пожелав мне скорейшего выздоровления.

Меня по-прежнему бил озноб, но к щекам прилила кровь, и они отчего-то заполыхали — не иначе как температура в кабинете достигла тропической. Я, покачиваясь, добрела до кондиционера (возле окна меня ощутимо обдало волной жара, и я даже зажмурилась и закрыла лицо руками) и отключила обогрев. Доползти до кресла я не успела — по мою душу явились Сашка и водитель Артем.

— Вот это да,— протянул Тема.

— Я же говорила — инфекция! — чуть не плача, всплеснула руками Саша.— Жан, ты краснухой в детстве болела?

— Не помню,— прохрипела я и попыталась пошутить: — А что, морда прекрасная? Дьяволина пять минут назад радовалась, что зеленее моей рожи только баксы.

— Надеюсь, ты на нее дыхнула как следует и горячо облобызала на прощанье? — проворчала Саша, встряхивая меня в плащ.

— Не догадалась...— расстроено протянула я, стараясь не дышать в сторону Саши.

— Ты чего это от меня нос воротить, а? — хмыкнула она.— Я краснухой в школе болела. У меня иммунитет. Так что чихай смело.

— А на него? — Я покосилась на Тему, разглядывавшего меня, как кенгуру в зоопарке.

— Зараза к заразе не пристаёт,— ухмыльнулся тот, принимая меня из заботливых Сашкиных рук и умудряясь при этом стоять глазки моей блондинистой подружке.— Но на всякий случай сзади поедешь,— уточнил он уже в машине, усаживая меня сзади, по диагонали от своего кресла.

Всю дорогу я исподлобья тарасилась на его шею, как назло не прикрытую воротником или шарфом, и рассеянно думала о том, что действие всех фильмов про вампиров приходится всегда на летнее время, когда дамы стремятся выставить на всеобщее обозрение максимум обнаженного тела, да и кавалеры ограничиваются минимумом одежды. Попробуй доберись до шеи или запястья зимой — сколько одежек следует снять, сколько шарфов размотать, сколько перчаток сорвать...

— Теперь куда? — оторвал меня от кровожадных мыслей веселый голос ничего не подозревающего Темы.

— Направо,— клацнула зубами я.

— Держись, старушка. Сейчас прибудем! — приободрил меня он.

Видимо, видок у меня и впрямь был аховый, потому что остряк Тема даже не вздумал подтрунивать над моим состоянием. Приду домой — первым делом рвану к зеркалу, а то аж любопытно, чего моя рожа так всем покоя не дает.

Тема проводил меня до самой квартиры, и я с облегчением отметила, что ни вчерашнего маньяка, ни его подозрительных сотоварищей у моего порога не наблюдается. Артем, пожелав мне скорейшей поправки, отбыл восвоися, а я на заплетающихся ногах доковыляла до зеркала и от изумления даже икнула.

Было отчего начать заикаться. Из зеркала на меня таращилась опухшая красная рожа совершенно кошмарного вида, весьма анекдотически смотревшаяся в сочетании со строгим джинсовым платьишком. Любоваться подобной образиной было бы с моей стороны сущим мазохизмом, так что я поспешила доползти до спальни, сбросить платье и напялить на себя просторную хлопковую пижаму, которая вынималась из шкафа только на время болезни.

В процессе переодевания я обнаружила, что краснуха, если она и имеет место быть, ограничилась моим лицом, шеей и ладонями, совершенно не коснувшись тех частей тела, которые были спрятаны под одеждой, и даже засомневалась, верен ли диагноз, поставленный Сашкой. Та была легка на помине — позвонила, чтобы узнать, как я добралась, и я послушно отрапортовала, что занос тела прошел благополучно и без эксцессов.

— Значит, жить будешь,— заключила подруга, успокоенная моим шутливым тоном, и строго уточнила: — Врача вызвала?

— Когда?! — возмутилась я.— Только переодеться успела.

— Не тяни,— педантично изрекла Саша.— А то знаю я тебя...

Тот факт, что поликлиники и больницы наводили на меня тоску и я до последнего старалась увильнуть от их посещения и общения с докторами, Сашка за время знакомства со мной прекрасно уяснила.

— Я бы сама тебе врача вызвала, чтобы наверняка, но номера полиса твоего не знаю,— с сожалением протянула она.

Клятвенно заверив подругу, что по окончании нашего с ней разговора я сразу же наберу номер поликлиники и вызову районного эскулапа на дом, я быстро с ней распрощалась, вынула телефонный шнур из розетки, отключила мобильный, задернула шторы и, едва добравшись до кровати, мгновенно провалилась в сон.

Марио

Шесть недель назад

Сегодня он был бомжем. Сорокалетним дряхлым старцем, изгоем и одиночкой.

Позавчера он остался без дома. Его трехкомнатные апартаменты, во владение которыми он вступил после выселения прежних жильцов, снесли с приговоренной под снос хрущевкой. Он жил в опустевшем доме последние три недели. Дом, отключенный от коммуникаций, нагрелся днем и сохранил тепло до глубокой ночи. Казалось,

дом был рад ему — единственному жильцу, ведь, пока в доме жил человек, оставался живым и дом. По ночам дом-старик стонал половинцами, дребезжал побитыми стеклами, вздыхал сквозняками.

Обойдя все брошенные квартиры, бродяге удалось разыскать сломанный диван, ветхий стол и выцветший ковер. В квартиру, в которой остался умирать диван, он и притащил остальные сокровища. В комнате сразу стало по-домашнему, и дом отозвался одобрителем свистом ветра, заблудившегося в водосточной трубе. Он вытащил из рюкзака свой сегодняшний ужин — полбуханки черствого хлеба, покрывшуюся склизкой пленкой колбасу, початую бутылку самогона. Огненная вода обожгла горло, корка хлеба потревожила больной зуб... Он обвел мутным взглядом свое новое жилище, и на жесткую щетину покатались крупные слезы. Он вспомнил свою прошлую жизнь — сытое детство единственного сына партийного начальника, шальные студенческие компании, залитую солнцем четырехкомнатную квартиру на Малой Бронной...

Марио с недовольством оторвался от бродяги, тряхнул модно стриженными кудрями. Его не интересует, как бездомный докатился до дна жизни и как жил раньше. Ему нужно знать, как он живет сейчас, что значит быть бомжем. Поддерживая безвольное тело бродяги и стараясь не запачкать дорогой костюм, он снова припал к ране на сгибе локтя и слился мыслями со своей жертвой.

Теперь он чувствовал щемящую боль, стоя у развалин хрущевки, ставшей ему родной в последние три недели. Он вытащил бутылку самогона и сделал глоток, оплакивая гибель дома.

— Бывай, старик,— сильным голосом бродяги прошептали перепачканные кровью губы, и алчущий рот вновь припал к источнику знаний, жадно глотая чужие воспоминания.

Он впитал в себя глумящиеся лица ментов и оплывшие физиономии собутельников. Резкий запах дешевых духов и синяк под глазом последней любовницы Любаши. Шершавые страницы газет, служившие ему постелью в отсутствие крыши над головой, и кишевшие сокровищами помойные баки, за своевольный доступ к которым он часто бывал бит «полноправными» хозяевами этих сокровищниц, особенно примыкавших к ресторанам и продуктовым магазинам...

Марио машинально схватился за правый бок. Проникновение в кожу донора было таким полным, что он даже почувствовал боль восьмилетней давности в сломанном ребре. Поморщился, улыбнулся. Кровь бомжа была кислой, как просроченное молоко. Куда приятнее было готовиться к роли Андрея Болконского. Кровь импозантного предпринимателя, психологического двойника князя, напоминала выдержанный коньяк.

Что ж, искусство часто требует жертв, покривился Марио, промокая салфеткой испачканные губы. Хорошо хоть вкус немытого тела пробовать не пришлось. Марио подкараулил бродягу на выходе из

благотворительного приюта, где бездомным предоставляли ночлег и баню. Отпустил безвольное тело из цепкой хватки стальных пальцев — бродяга сполз по стене вниз, повалился на пустые коробки, испачкал выданные в приюте добротные штаны. Завтра бомж и не вспомнит, где их взял, не вспомнит и своего имени, не вспомнит ничего из того, что поселилось в памяти Марио. Полная амнезия и потеря личности. Бродяга очухается минут через пятнадцать, а ему пора. Не хватало еще, чтобы знаменитого актера Марка Шальнова заметили рядом с телом бомжа.

Марио обернулся — подворотня была пустынной. Но нельзя недооценивать пронырливых папарацци. Марио нахмурился и машинально достал из кармана солнцезащитные очки. Конечно, подозрительная маскировка для позднего вечера, но все-таки с ними он себя чувствовал уверенней.

Его слава росла с каждым днем, нахальные журналоги наступали на пятки, пытаясь добыть компрометирующие сведения и скандальные фотографии. Он с удовольствием давал повод для сплетен, заигрывая каждый раз с новыми девицами, шокируя искушенную столичную богему эпатажными поступками. Лишь бы пустить журналистов по ложному следу. Пусть смакуют подробности его несуществующих романов, только бы не копали глубже, только бы не приближались к его тайной жизни.

А тайная жизнь тесно связана с его талантом... Марио бросил удовлетворенный взгляд на неподвижного бродягу. На завтрашней репетиции ему будет чем порадовать требовательного режиссера. Перевоплощение в опустившегося бича будет полным, невероятным, завораживающим, как любят писать высоколобые театральные критики о его актерской работе. После роли аристократа Андрея Болконского перевоплощение в клошара будет особенно эффектным и, вне всяких сомнений, вызовет восторг публики и критиков.

Он не был актером одного ампула, в репертуаре его масок не было характерных ролей, он все время был разным. По диапазону ролей среди коллег ему не было равных. За шесть театральных сезонов в Москве он сыграл романтического Монте-Кристо и циничного Печорина, обаятельного Фигаро и омерзительного Гобсека, властного Цезаря и жалкого Хлестакова, трепетного Сирано де Бержерака и невозмутимого профессора Хиггинса, трагического Гамлета и смехотворного обманутого мужа из современной пьесы. И всякий раз публика кричала «браво!», а самые злобные критики преклонялись перед его талантом.

Эти удивительные по точности перевоплощения были бы невозможны без его редчайшего дара — дара видеть жизни своих доноров, который помогал ему присваивать их личины, почувствовать себя ими. Редчайший, благословенный дар! Только в романах и кино вампиры повсеместно пили с кровью жертв их мысли, их чувства, их воспоминания, их прошлое. В жизни же Марио встречал только одного

сородича, который обладал подобным даром. Араб Ахмет считал его проклятием и предпочел сделаться отшельником, по примеру своего деда уйдя в горы. Поговаривали, что это его и сгубило. Отказавшись от крови людей и перейдя на кровь коз, в какой-то момент он перестал ощущать себя человеком и решил перепрыгнуть глубокое ущелье вслед за понравившейся ему козочкой. Может, это просто нелепая легенда, такая же утка, как те сплетни, которые окружают имя модного актера Марка Шальнова.

Марио араба не понимал. Бывший заурядным актером в свое бытие человеком, он воспринимал эту способность как подарок судьбы. Он тешил себя надеждой, что вирус вампиризма усилил дремлющий в нем талант актера и дал ему раскрыться в полной мере, засиять бриллиантом. Каждый раз, готовясь к новой роли, он искал психологического двойника своего персонажа. Он пускался на поиски подходящего человека с азартом охотника. Он вычислял места его обитания, он погружался в его среду, он искал того единственного, кто даст ответы на все его вопросы, кто впустит его в свою душу, кто поделится с ним своим ценным опытом и уникальными переживаниями. И когда он находил своего персонажа, он выпивал его память досуха — со всеми его радостями и горестями, со всеми мечтами и стремлениями, со всеми победами и разочарованиями, со всем прошлым и настоящим. Он впускал его в себя. Смотрел на мир его глазами. Реагировал на события его эмоциями. Случалось, он даже не узнавал своих знакомых, зато приветливо махал людям из окружения персонажа. Приятели, не знавшие о нем всей правды, посмеивались: вошел в роль — и всё простили гению. К счастью, полное перевоплощение ограничивалось первыми сутками, затем он отделял себя от персонажа, но продолжал жить им, играть его роль так, словно сам был им.

Заслышав шаги за спиной, Марио похолодел. Актер внутри него боялся быть застигнутым на месте преступления; бомж, поселившийся рядом, по привычке собрался сигануть от греха подальше. Мгновение бомж изучал приближающегося к нему человека, отмечая дорожную одежду, уверенную походку, выражение хозяина жизни и каким-то особым чутьем ощущая исходящую от него опасность: бежать, бежать! Нырнуть во влажное нутро подвала, уткнуться под бок жалостливой Любаши, зарыться в ворох тряпья... Марио до боли сжал кулаки, заставив жалкого бродягу заткнуться, задвинув его отчаянный скулеж в глубь души. Страх бомжа был ему понятен. Человек был знаком Марио. Он был таким же, как он.

- Готовишься к новой роли?
- Это будет моя лучшая роль,— усмехнулся Марио.
- Ты всегда так говоришь.
- Я всегда так думаю.
- Не забудь пригласить его,— ироничный кивок в сторону бомжа.

• Шерше ля вамп •

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА

I. Преступления и меры наказания

1. Человеческая жизнь неприкосновенна.
2. Наказание за убийство — ликвидация.
3. Покушение на жизнь приравнивается к убийству и влечет за собой наказание, соразмерное ему.
4. Приговор приводится в исполнение, когда вина преступника полностью доказана.
5. Вина преступника считается полностью доказанной при наличии весомых улик, а также в результате взятия с поличным, чистосердечного признания или ментального допроса.
6. Следствие по делу об убийстве проводится местным отделением Гончих.
7. Решение по делу принимается общим голосованием всех старейшин и Гончих местного отделения Клуба.
8. В исключительных случаях, когда вина преступника не вызывает сомнений и при наличии его чистосердечного признания, решение о наказании может быть принято на основании двух голосов — одного от старейшин и одного от Гончих.
9. Приговор приводится в исполнение руководителем местного отделения Гончих.
10. В том случае, если обвиняемый и потерпевший принадлежат разным отделениям Клуба, расследование проводится при участии обоих отделений Гончих, решение о наказании принимается Советом старейшин и Гончих со стороны потерпевшей стороны и подлежит одобрению Высшего суда.

II. Положения о ментальном допросе

1. Ментальный допрос — воздействие высокого риска.
2. Метод ментального допроса применяется в случаях особой необходимости — когда иными другими способами установить истину не представляется возможным.
3. Предложение о ментальном допросе выдвигается руководителем отделения Гончих, ведущих расследование.

4. Решение о ментальном допросе принимается старейшинами на основании большинства голосов.

5. Перед началом ментального допроса обвиняемый должен быть поставлен в известность в отношении рисков, связанных с проведением процедуры допроса.

6. Обвиняемый не может отказаться от процедуры ментального допроса, но может отменить ее, сделав чистосердечное признание.

7. Процедура ментального допроса проводится двумя дознавателями из числа Гончих или старейшин, один из которых представляет сторону обвинения, другой — сторону защиты, в присутствии не менее двух наблюдателей со стороны старейшин.

8. Процедура ментального допроса может быть прервана наблюдателями со стороны старейшин в случае возникновения риска для жизни обвиняемого.

III. Положения о Высшем суде

1. Высший суд является высшей судебной инстанцией, принимающей решения по спорным международным вопросам.

2. Высший суд составляют двенадцать старейшин, выбранных произвольно из числа действующих старейшин всех отделений Клуба, за исключением тех отделений, интересы которых затронуты в деле.

3. Для принятия решения судьям должны быть предоставлены все результаты расследования.

4. В целях объективности решения голосование является закрытым.

5. Решение Высшего суда обжалованию не подлежит, однако может быть пересмотрено при предоставлении новых материалов по делу.

Глава 1

ВАМПИРСКИЙ НОВЫЙ ГОД

Бывают клыки столь острые, что способны слишком глубоко впитаться в душу.

Иэн Уотсон. Богемская рапсодия

Подумай, чего ты хочешь: светлого будущего или будущего с женщиной?

Катажина Грохоля. Я вам покажу!

Новый год вампиры отмечали с королевским размахом. Для торжества выбрали самый роскошный из ресторанов Клуба — «Версаль». Снаружи стояла пушистая елка в шикарном наряде из рубиново-красных шаров и хрустальных бус. Макушку ее венчала блестящая золотистая корона. Снежинки, ложась на ветки и глянцевые бока шаров, казалось, одевали ель в королевскую мантию. С уличной красавицей соперничала «хозяйка дома» — та, которой предстояло свысока взирать на танцующие пары, горделиво демонстрировать елочные игрушки, всю ночь до самого утра выслушивать поздравления и тосты и удивляться тому, какое сокровенное значение гости придают смене календаря. Ель, стоящая в банкетном зале, пестрела игрушками и шарами самых разных мастей. По традиции каждый из вампиров, присутствующих на вечеринке, заранее приносил одну игрушку для украшения ели — самую памятную ему, самую любимую.

Я выбрала золотую рыбку — игрушку из моего детства — и теперь, стоя у переливающейся огнями елки, пыталась разыскать ее среди нескольких сотен стеклянных снегурочек, забавных зайцев и медведей, сов и попугаев, гномиков и фей, шишек и шаров всех цветов радуги.

— А вон мой! — Рукой в перчатке Аристарх указал на изящный домик, припорошенный снежной пылью. Окошко домика светилось нарисованным светом.

Я взглянула на сияющее лицо деда и улыбнулась. Как символично: я все еще верю в чудеса и принесла золотую рыбку, а Аристарх, мечтавший о домашнем очаге и семье, повесил на елку домик. Его мечта сбылась в уходящем году — он нашел родных. Сына, который никогда

не узнает о том, что Аристарх — его отец, и внучку, которая разделит с ним горести и радости вампирской жизни.

Роман между Аристархом, тогда еще рядовым французским дипломатом, и бабушкой Лизой, тогда еще советской студенткой, завязался пятьдесят три года назад во время визита комсомольской делегации в Париж. Мой папа до сих пор не подозревает о своем истинном происхождении и считает отцом бабушкиного мужа Михаила. Правда открылась случайно: увидев вампира Аристарха в известном ток-шоу, бабуля пришла в крайний ажиотаж и принялась уверять меня, что мой босс (я тогда только-только уговорила вампира взять меня в редакцию мужского журнала, который он возглавляет) — вылитый Александр, с которым она познакомилась в Париже в молодости. А потом бабуля проговорила, что француз был не просто знакомым. Аристарх, поставленный перед фактом, своей вины не отрицал. Напротив, страшно обрадовался известию о том, что у него есть сын, а тем более внучка в моем лице. По его настоянию пришлось даже семейное застолье устроить. Разумеется, мои родственники не в курсе существования вампиров. Правила вампирского Клуба сродни правилам бойцовского. Помните, как в кино? Никому не говори о Клубе. У нас то же самое. Поэтому Аристарх был представлен в качестве моего жениха и очаровал все мое семейство. Теперь никто из родственников не удивляется тому, что Аристарх то и дело бывает у меня в гостях. Только никому невдомек, что за закрытыми дверями мы не любовным утехам предаемся, а листаем семейные альбомы, смотрим домашнее видео и беседуем о бабушке Лизе и папе. То-то родители удивились бы!

А мое желание? Я наконец-то отыскала взглядом рыбку, взобравшуюся под самый потолок. Рядом с ней парил прекрасный фарфоровый ангел — игрушка такой тонкой работы, что ей, должно быть, было не меньше ста лет. О чем мне попросить рыбку? Какое желание загадать под бой курантов? Я еще не решила. Разве что попросить покоя? Жаль, что к жизни не прилагается гарантия, как к туфлям «Джимми Чу». Я бы не отказалась от спокойствия и благополучия на ближайшие триста шестьдесят пять дней.

В последние месяцы уходящего года потрясения следовали одно за другим. Я стала вампиром, я нашла среди вампиров своего настоящего деда, моего парня Глеба убили, моей жизни не раз угрожали, и, защищаясь, мне самой пришлось убивать. После той ночи на фабрике, когда мы схлестнулись в поединке с Жаном — вампиром, встреча с которым изменила всю мою жизнь, я практически не выходила из дома, проводя дни за чтением журналов в обнимку с моей кошкой Маркизой. Подруг у меня почти не осталось. Соседка Настя, оказавшаяся волшебницей, меня избегала — вампиры и маги издавна не выносили друг друга. Бывшая коллега по риелторскому агентству Саша, с которой мы были раньше неразлучны, теперь пропадала на свиданиях с Ирвингом — вампиром из числа Гончих, выполняющих в вампирской

структуре роль суда и следствия, а заодно тайком избавляющих город от преступников, выкачивая из них кровь до последней капли. Разумеется, Саша не подозревала о том, кто этот мужественный блондин на самом деле, как не имела представления о том, кем стала я сама. События той ночи, когда Саша оказалась в заложницах у Жана, были аккуратно стерты из ее памяти. А вот симпатия к Ирвингу осталась... Увлечение Саши меня тревожило, но, когда я попросила главу Гончих, Вацлава, поговорить со своим подчиненным, тот резко отчитал меня, чтобы я не вмешивалась не в свое дело.

— Ну если с Сашкой что-то случится!.. — вспыхнула я.

— Ирвинг ее в обиду не даст, — отрубил Вацлав, и на этом разговор был окончен.

Накануне Нового года вампирский бомонд был занят подготовкой к главной вечеринке, а у меня не было желания даже на то, чтобы выбрать себе платье. Аристарх регулярно заезжал ко мне, докладывая о новых коллекциях в московских бутиках и искушая каталогами, а я смотрела на него в недоумении. Не так давно я убила человека, а он толкует мне о новом платье! Вся моя жизнь изменилась так стремительно, что я не могла найти себе места. Жить так, как раньше, я уже не могла. Жить по-новому еще не научилась. Я пообещала себе, что первого января начну новую страницу своей жизни. И от этого момента меня теперь отделяло меньше часа.

Весь вампирский свет был уже в сборе. Зал на пятьсот человек оказался полон, и половина из этих пятисот была мне знакома если не по прежним вечеринкам, то по страницам газет и выпускам светской хроники. Актеры, спортсмены, телеведущие, модели... Отсутствовали только поп-звезды. В эту ночь они традиционно давали концерты, а публика и знать не знала, кто на самом деле перед ними.

Бывшая супермодель, а ныне старейшина Моника блистала в красном платье от Валентино, и на ее смелый разрез заглядывались все вампиры в зале. Интересно, куда смотрит ее парень Влад Карасик? И где он сам, кстати? Аристарх и тот чуть шею не свернул, провожая взглядом итальянку.

Даже Светлана, или Лана, предпочитавшая обычно джинсы и майки, для новогодней ночи выбрала женственное кружевное платье цвета лаванды и выглядела сногшибательно. Когда-то именно с появления этой задорной вампириши на пороге моего дома и началось мое посвящение в тайны Клуба. Именно Лана рассказала мне, как у них все устроено, и ввела в курс дел.

Вокруг Ланы мотыльком вилял психолог Владислав — неизменно элегантный и утонченный. Поболтав с ней немного, я отошла в сторону — если у этих двоих что-нибудь получится, я буду только рада. Лана тяжело переживала смерть Глеба, с которым у нее в прошлом был роман, и впервые с его похорон вышла в свет. Надеюсь, Владис-

лав не даст скучать ей этим вечером, и, хочется верить, его интерес к ней не сугубо профессиональный.

Я обвела взглядом толпу, выискивая вампира, которого сегодня очень хотела бы увидеть... Но, очевидно, у Вацлава нашлись дела поважнее, чем пить шампанское и водить хоровод вокруг елки. Ни его, ни кого-то из его команды на празднике в «Версале» не было.

Мой взгляд задержался на влюбленной парочке, воркующей за столом. Супруги Нелли и Оскар, которых можно принять за молодоженов, с нежностью держались за руки. По ним и не скажешь, что они вместе уже семьдесят пять лет. Бывают же и среди вампиров примеры вечной любви! Нелли и Оскару можно только позавидовать... А не попросить ли у рыбки такой же любви?

— О чем задумалась? — Аристарх схватил меня за руку и увлек в хоровод, в котором кружили вокруг елки уже порядком захмелевшие вампиры. Каждый раз, делая круг, я торопилась отыскать глазами знакомую игрушку, парившую почти под самым потолком рядом с фарфоровым ангелом. И рыбка, поблескивая золотым бочком, словно обещала мне: все будет хорошо!

Хоровод распался за несколько минут до полуночи, и все бросились врассыпную, торопясь раздобыть шампанское. Растворился в толпе и Аристарх, пообещав вернуться с бокалом. Попросить, что ли, у рыбки, чтобы весь год был таким же беззаботным, как сегодняшний вечер?

— Как ты быстро! — Я взяла протянутый мне бокал и только потом подняла глаза. Кровь забурилась, как пузырьки в шампанском. Вацлав! И, как всегда, верен себе. Ни костюма по случаю праздника, ни смокинга. Даже куртку не снял, словно заскочил в ресторан всего на минуту. Хотя что-то в нем не так. Ба, да он же побрился! Впервые с момента нашего знакомства вижу его без щетины. Вдруг захотелось коснуться его щеки рукой, почувствовать, какова на ощупь его кожа...

— Ты отлично выглядишь. — Он скользнул взглядом по моему декольте.

— А ты все-таки пришел. — Я улыбнулась, глядя, как в его темных глазах отражаются мерцающие огоньки гирлянды, и, взяв его за руку, потянула к елке. Он с удивлением последовал за мной. — Какая из них твоя?

— Дурацкая традиция. — Он усмехнулся.

— Только не говори, что ты явился без игрушки! — притворно ахнула я.

Впрочем, если он и не собирался приходить, а решил в последний момент...

— Вон та. — Он указал взглядом под потолок, где переливалась в свете огней золотая рыбка.

Это моя, хотела возразить я, но вдруг поняла:

— Ангел?

Он кивнул.

— Он необыкновенный, — заворожено заметила я.

— А твоя?

— Угадай!

Он покрутил головой и уверенно ткнул в игрушечную алую туфельку, принадлежавшую Монике.

— Холодно! — рассмеялась я.

Забили куранты, и мы торопливо чокнулись бокалами, а потом неловко поцеловались в щечку. Моя помада оставила на его коже алый след, прикосновение его губ легло на мою кожу легким ожогом. Мое сердце забилося золотой рыбкой, выброшенной на асфальт, но чуда не произошло. Вацлав отстранился, а я залпом опрокинула в себя шампанское, даже не почувствовав его вкуса и забыв о том, что надо загадать желание. Интересно, а он успел? Губы Вацлава шевельнулись, но расслышать, что он говорит, было невозможно из-за гвалта поздравлений и грянувшей с наступлением полуночи мелодии «Аббы» *Happy New Year*. Хорошо хоть вампиры кричат «с Новым годом, с новым счастьем!», а не «с Новым годом, с новой кровью», про себя отметила я, наклоняясь к Вацлаву:

— Что?

Но тут к нам подскочил Аристарх, и я окончательно оглохла от его поздравления, которое он прокричал мне прямо в ухо. Поняла только, что он очень рад тому, что старый год подарил ему меня, что новый год уже начался для него счастливо — потому что он встречает его со мной. Наконец Аристарх заметил Вацлава:

— О, и ты здесь? С Новым годом, с новым счастьем! А это тебе! — Дед обернулся ко мне и сунул в руки бархатную коробочку.

Внутри оказались изумительные золотые сережки с сапфировыми капельками.

— Ого! — вырвалось у меня.

— Помнишь, я говорил, что к твоим глазам подойдут сапфиры? Давай помогу надеть!

Аристарх засуетился, оттесняя меня от елки, а Вацлав бросил: «Ну я пошел», — и развернулся, чтобы уйти. Как, вот так, сразу? Я еще не успела возмутиться, как рука уже потянулась к нему.

— Может, останешься? — Я удержала его за локоть.

Аристарх, которого я нечаянно толкнула, уронил вторую сережку и присел на корточки, шаря рукой у наших ног. Вацлав наклонился, поднял сережку, укатившуюся под елку, и шагнул ко мне. Так близко, что я видела свое отражение в его глазах. Всего лишь на мгновение. Потом он наклонился ко мне, заправил прядь моих волос за ухо и вдел в мочку сапфировую капельку.

От этого его движения я захмелела больше, чем от выпитого залпом шампанского. Смешавшись, я опустила глаза и заметила блестящий уголок небольшой подарочной упаковки, выглядывающей из

кармана его куртки. Сердце сделало радостный кульбит. Неужели этот подарок — мне?

Перехватив мой взгляд, Вацлав вспыхнул и задвинул упаковку в карман. Вкус шампанского во рту вдруг сделался горче полыни. Размечталась! А то ему некому больше подарки дарить. Не для меня он выбирал в магазине эту милую вещицу, не для меня упаковывал ее в искрящуюся фольгу, не меня хотел ею порадовать... Интересно, какой подарок приготовил Вацлав для своей любимой? Духи? Наручные часики? Браслет?

— Сапфиры очень идут к твоим глазам, — отрывисто сказал он, глядя куда-то в сторону.

«Зачем ты пришел?» — хотелось закричать мне, но я улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Аристарх знает толк в драгоценностях.

Вацлав коротко кивнул, а Аристарх польщенно просиял:

— Я же говорил, что сапфиры — это твой камень!

— Веселого Нового года, — уронил Вацлав и развернулся, чтобы уйти.

Но я уже не делала попыток его остановить. Он пришел не ко мне и торопился туда, где его ждут. К той, для кого выбирал подарок. К той, ради кого побрился впервые с тех пор, как я его знаю.

— Уже уходишь? — окликнул его Аристарх.

— Работа, — соврал Вацлав и растворился в толпе гостей.

Пробка от шампанского пролетела над моей головой и ударила в елку, прицельным залпом разбив одну из игрушек. Аристарх ахнул. Желтые осколки золотой рыбки упали мне под ноги.

Тоже символично. Желание, которое я так и не осмелилась загадать, никогда не сбудется.

Я поблагодарила Аристарха за подарок. Я танцевала до самого утра. Я пила шампанское, пытаюсь заглушить горечь. Я не помнила, как оказалась дома. Наверное, меня привез Аристарх.

А через несколько дней на пороге объявился французский нотариус.

Вацлав

Если потребуется, он отдаст за нее жизнь — легко, не задумываясь, в надежде на прощальный поцелуй, и слезы на ее щеках станут ему наградой. Когда она успела занозой впиться ему в сердце? Уж точно не в их первую встречу, когда у нее, новенькой, пробудился дар к ясновидению и Лана позвонила ему. Он помнил, как Жанна зашла в их микроавтобус — растерянная, испуганная, но при этом отчаянно храбрящаяся. Все эмоции читаются на накрашенном личике — и к телепатии прибегать не надо. Он на нее произвел впечатление Серого Волка. Что ж, Красная Шапочка, не будем тебя разочаровывать...

Он выгнал своих ребят из салона, остался с ней наедине и изложил суть дела. Никакой симпатии к растерянной девчонке тогда не шевельнулось — она была лишь ключом, который мог привести к преступнику. И когда она не смогла ничего обнаружить на месте убийства Софии, он и впрямь разозлился. Чтобы предвидение проявилось в полной мере, ей была нужна свежая кровь, а девчонка глядела на него, как на монстра, когда он привел ей парочку влюбленных на выбор. Пришлось надавить на нее, и она с миной отвращения на лице выпила два глотка из вены парня, а потом, захмелев от крови, припала к ране... И нечего тут стесняться — такова их природа. К его разочарованию, и это не помогло: даже насытившись, мнимая ясновидящая не смогла найти никаких следов убийцы.

Он отвез девчонку домой и стер воспоминания об их встрече из ее памяти — вряд ли бы старейшины одобрили его методы, тем более что с этой новенькой все было не просто с самого начала. Поцелуй был лишь частью стандартной процедуры — так было проще всего затуманить ей мозги и проникнуть в ее память. Можно было обойтись и без поцелуя, но девочка не вызвала в нем отвращения, к чему привередничать? Прикосновение губ — и в ее голове поселилась черная дыра, поглотив воспоминания о минувшем вечере. Вот только он почему-то не смог оторваться от Жанны сразу — и жадно глотал ее дыхание, и насытиться никак не мог. Дверь подъезда захлопнулась — не за девчонкой, за его спиной. Невозможно выпустить новенькую из рук, никак не разомкнуть губ. Наваждение какое-то! Он поднимется всего лишь на этаж — и уйдет. Но он опомнился только тогда, когда они очутились у ее двери.

— Зайдешь? — Новенькая подняла на него затуманенные глаза и неловко хихикнула. — Ты ведь не можешь войти без приглашения?

Да если бы он захотел войти, разве его удержали бы двери? Она зазвенела ключами и скользнула за порог, бросив игривый взгляд через плечо. Он остался стоять на месте, сгорая от желания. Каких сил это ему тогда стоило!

— Ну что же ты? — Она выжидающе обернулась. — Входи, я тебя приглашаю.

Все тот же затуманенный взгляд, распухшие от поцелуев губы... Больше всего на свете ему хотелось шагнуть к ней, сгрести в объятия и не выпускать до рассвета, дотошно исследуя впадинки ее тела, изучая созвездия родинок, скрытых под одеждой, не размыкая губ, не отрывая рук. Но тогда он бы и вечность спустя не простил себе, что воспользовался ее беспомощностью. Затуманенный взгляд — не от страсти, от гипноза. Он подчинил себе ее разум, и тело подчинилось тоже. Испуганная девочка, которую он заставил выпить живой крови в машине, ни за что не пригласила бы его к себе. И уж наверняка не стала бы с ним так неистово целоваться.

Жанна шагнула к нему, недоумевающая, почему он медлит. Он притя-

нул ее к себе, чтобы последний раз вобрать тепло ее губ. Ладонь запуталась в ее растрепавшихся волосах, словно не желая с ними расставаться. Каждая минута была преступлением над волей Жанны, но он никак не мог от нее оторваться. Наконец еще раз взглянул в ее глаза с расширенными зрачками и повторил:

— Ты забудешь обо всем, что произошло этим вечером. С того момента, как ты решила позвонить Светлане. Поняла? Тебе ни к чему это помнить.

Она покорно кивнула и сонно сомкнула глаза. Он легонько толкнул ее через порог, проследил, чтобы она закрыла замки, и глубоко вдохнул, пытаясь унять галопом скачущее сердце. Да что с ним такое? Впервые в жизни, с тех пор, как не стало Эвелины, в нем проснулась нежность. Это светлое, бьющее через край чувство ни с чем нельзя было перепутать. О новенькой вампирше хотелось заботиться, ее хотелось оберегать. Ну не глупость ли, что старейшины всерьез опасаются ее и готовы видеть в ней зверя? Она же девчонка совсем. И как ее только угораздило связаться с Жаном и попасть в их гадюшник!

Он вздрогнул, услышав, как загремел замок в соседней двери. Сколькo он простоял у квартиры Жанны, прислушиваясь к ее сонному дыханию? Из двери вышла блондинка в розовом велюровом костюме, настороженно взглянула на него. Подруга, понял он. И еще кое-что понял мгновение спустя. Блондинка напряженно замерла, и ее глаза гневно сузились.

— Что ты здесь забыл, вампир? Забудь сюда дорогу! Если я тебя еще раз здесь увижу...

— Спокойной ночи, магиня. — Он отвесил шуточный поклон, развернулся и зашагал к лестнице.

На устах еще играла улыбка, адресованная волшебнице, а сердце тревожно сжалось. Блондинка еще не знала, что соседка стала вампиром, а значит, прежней дружбе пришел конец. Маги вампиров на дух не выносят. Впрочем, вампиры платят им той же монетой.

Наваждение повторялось всякий раз, когда они оказывались вместе. И всегда — так некстати! Это Глеб привел его домой к Жанне второй раз. Вот дверь подъезда, у которой они целовались, вот лифт, который тогда проигнорировали, вот дверь квартиры, куда он тогда не посмел войти, а вот она сама — улыбается Глебу и мгновение спустя настороженно изучает его. Он замер на пороге, вдруг испугавшись, что воспоминания об их первой встрече оживут и она его узнает, и в то же время отчаянно этого желая.

Не узнала, не вспомнила...

Познакомились заново. Обмен приветствиями превратился в словесный поединок. Она не хотела пускать его в дом, пришлось войти самому. Не предложила тапочек, не проводила в комнату. Каждый ее сердитый взгляд, адресованный ему, кричал: «Уходи!» А он дерзил и еще больше выводил ее из себя, лишь бы ни она, ни Глеб не догада-

лись, что, глядя на нее, он вспоминал вкус ее податливых губ и никак не мог сосредоточиться на деле.

Смотреть, как Глеб собственнически обнимает ее, было невыносимо. Хотелось разбить мальчишке нос, вышвырнуть вон из квартиры и затащить ее в постель... Пока Глеб торопливо рассказывал Жанне придуманный ими план по поимке убийцы, который мог напасть на нее, Вацлав раздевал ее глазами.

— Если я правильно понимаю, вы намерены использовать меня как наживку,— вспыхнула Жанна и с вызовом уставилась на него.

Как хорошо, что она новичок и не может прочесть его мысли...

Он спокойно встретил ее взгляд и ответил:

— Не бойся. Тебе ничего не грозит. Если он попробует напасть, я поймаю его раньше, чем он тебя коснется.

— Значит, будешь моим телохранителем? — насмешливо бросила Жанна.

— Телохранителем будет Глеб,— в той же манере ответил он,— а я буду твоей тенью.

А что ему еще остается? Похоже, ему предстоит одно из самых сложных заданий за всю его работу Гончим: смотри, мечтай, наблюдай, как ее лапает другой, терпи, не вздумай выдать себя и продолжай делать свое дело.

Однако все оказалось проще. Стоило занять позицию наблюдателя, отстраниться, как наваждение проходило. Объект желания превращался в объект слежки, и все прочее отступало на второй план. Он мог собой гордиться — профессионализм превыше всего. Надо сказать, объект для слежки ему попался весьма легкомысленный. Одни магазины на уме. А уследить за ней в магазинной толчее, да еще так, чтобы его присутствие не обнаружил убийца, задача не из легких. К концу пятого дня он сам был готов придушить Жанну, которая бабочкой порхала из одного бутика в другой, и в то же время злорадно поглядывал на Глеба, с покорностью пажав носившего ее покупки. А потом он заметил того, точнее, ту, кто так же неотрывно следовала по пятам за Жанной и Глебом, и события закрутились с бешеной скоростью.

Слежку вела подруга Жанны, Саша, обеспокоенная тем, что та внезапно уволилась с работы, отдалилась от нее и стала вести себя странно. Но Вацлав даже не успел огорчиться своей неудаче, как Саша уверенно описала приметы девушки, напавшей на Жанну несколько дней тому назад. Ею оказалась вампирша Нэнси, которая, не зная о родственных узах между Аристархом и Жанной, приревновала его к новенькой.

С чистосердечным признанием суд был коротким. Исполнять приговор Вацлаву было не впервой, но *как* на него, уходя, смотрела Жанна, присутствовавшая при вынесении приговора... Если в первую их встречу он был Серым Волком, то в ту ночь он превратился для нее в

настоящего монстра. Она умоляла смягчить приговор, пощадить Нэнси, которая несколькими днями раньше едва не убила ее.

— Проваливай, Жанна, — вырвалось тогда у него, — не нагнетай обстановку. И без тебя хреново.

Если прежде между ними была только пропасть, то в ту ночь разверзся целый Большой каньон. Тот, кто никогда не убивал, никогда не сможет понять и оправдать убийство. Для Жанны он всегда будет убийцей, безжалостно несущим смерть. И она уже никогда не сможет довериться его рукам и целовать его так горячо, как тогда, в подъезде...

В ту же ночь убили Глеба. Вацлав пришел, чтобы сказать ей это. Жанна открыла дверь — сонная, растрепанная, потерянная, такая желанная. Белый банный халат, спутанные кольца волос, темная родинка на шее... Он должен был сообщить ей о смерти ее парня, а сам пялился на эту родинку и больше всего на свете мечтал снова коснуться ее губами.

— Глеба нет, — буркнула она.

— Я знаю.

Он шагнул за порог, споткнулся о стоящие у порога пакеты со вчерашними покупками и с досадой пнул их. Чертова ведьма, что она с ним творит?! В ней ведь нет ничего особенного, у него были женщины куда шикарнее — та же Беата, например. Что же с ним происходит? Он смотрел на Жанну и пытался отыскать в ней изъяны: ветер в голове, одни шмотки на уме...

Он не знал, как ей сказать о Глебе, а она дерзила и показывала, что ему не рада. Он пришел с печальным известием, а мечтает затащить ее в постель.

Видно, что-то полыхнуло в его глазах, потому что Жанна вдруг оцетибилась, как потревоженный ежик:

— Только не надо меня запугивать спецэффектами. Напрасная трата времени. Я теперь в курсе своих истинных возможностей и сумею за себя постоять.

Огонь желания в его глазах она приняла за угрозу. И он вдруг потерял контроль, выдернул ее из-за стола и прижал к стене, мысленно срывая с нее халат. Ладони сжали ее шею, и от поцелуя их отделяла доля секунды, когда Жанна вдруг полупридушенно пропищала:

— Пусти...

Что же он творит-то? Он в смятении разжал пальцы. Жанна закашлялась, с испугом глядя на него. Стараясь не выдать себя, он отпрянул и прорычал хриплым голосом, молясь, чтобы она приняла страсть за гнев:

— Ты — ничто. И если кровь Жана вскружит тебе голову, я сам позабочусь о том, чтобы ты успокоилась навсегда. Понятно?

Откуда только взялись эти слова, сказанные ему Аристархом после экстренного совещания старейшин в ту ночь, когда Жан обратил новенькую? Глеб должен был стать ее контролером. Вацлаву в случае

угрозы поручили незамедлительно избавиться от проблемы. Он еще тогда и понятия не имел, что у проблемы самые желанные губы на свете и восхитительная родинка на шее...

А потом Жанна рыдала, скорчившись на полу, пряча лицо в свитер Глеба, и его сердце разрывалось одновременно от ревности к убитому и от боли, потому что больно было ей...

— Исключено, — отрезал он, услышав просьбу Жанны участвовать в поисках убийцы. Невыносимо будет видеть ее каждый день, чувствовать запах ее кожи и оставаться внешне безразличным. С каждой их встречей ему все сложнее сдерживаться. Он пойдет на все, лишь бы вынудить ее отказаться от своей затеи... Но он даже не мог представить, что она напомнит ему об Эвелине.

— Я не знаю, кем была тебе та светловолосая девушка, которую ты потерял, — выкрикнула она ему вслед, — но я могу понять твою боль...

Откуда она могла узнать? Он не рассказывал об этом никому. Эвелина была его страшной тайной, его смертельной раной, поселившейся в сердце много лет назад. И сейчас слова Жанны ударили по этой ране, как свинец снайпера, точно выверив место для выстрела.

И был только один способ спастись, не дать этой боли выплеснуться наружу, запечатать вскрытую рану. В глазах Жанны мелькнул испуг: она решила, что он ее ударит, но он лишь рывком привлек ее к себе, вобрал всем телом ее спасительное тепло, вдохнул полной грудью живительный аромат ее волос. И остановившееся было сердце вновь забилося-застучало, грозя вот-вот вырваться из груди.

— Извини, — пробормотал он.

А когда Жанна повторила просьбу, он уже не смог ей отказать.

На следующий вечер они сидели в офисе Гончих. На столе лежали досье на убитых вампиров, заключения экспертизы, опросы свидетелей. А Вацлав видел только темную родинку в расстегнутом воротничке ее черной рубашки и тонкие пальцы, скользящие по листам бумаги, как когда-то скользили по его телу... Больше не было смысла утаивать ту страничку ее памяти, которая запечатлела их первую встречу, связанную с гибелью Софии, и он позволил ей вспомнить. Глаза Жанны широко раскрылись, а потом она скривилась — вспомнив, как он заставил ее пить кровь того мальчишки, и взглянула на него так, что он почувствовал себя последним мерзавцем. Но кое-что он от нее утаил — их неистовые поцелуи в подьезде. Показалось неуместным напоминать о них сейчас, когда она оплакивала смерть Глеба.

Пока Жанна изучала документы, Вацлав читал ее мысли — желаннее понять, что она думает о нем, оказалось куда сильнее чувства стыда. Читал и мрачнел с каждой минутой — все ее мысли занимал убитый Глеб, все ее стремления сводились к поиску убийцы.

— А почему бы тебе просто не почитать мысли всех вампиров? — вдруг предложила она. — Убийца-то непременно проявит себя. А телепатия поточнее детектора лжи будет.

— Думаешь, это так просто? — огрызнулся он, застигнутый врасплох. Если бы Жанна только знала, чем он занимался все это время! — Что ж, попробуй! Никто из вампиров не откроет своих мыслей Гончим — нас все боятся.

«Я же открыла», — подумала она.

— Ты еще не научилась закрываться, — усмехнулся он, отвечая на ее немой вопрос, и осекся, поняв, что выдал себя с головой.

Но Жанна, казалось, не обратила на это внимания, выдав ему индульгенцию на чтение мыслей по праву старшинства и опыта.

— А если подключить старейшин? — пытливно уточнила она. — Им же все доверяют?

— Если бы все было так легко, мы бы тут сейчас не сидели, — буркнул он. — Нельзя так просто копать в чужих мыслях.

«В моих почему-то все копаются», — мысленно возмутилась она.

— Жанна, — вздохнул он, — я тебе уже объяснил, почему так с тобой происходит. Ты научись, и это пройдет. В остальном же мы можем общаться между собой телепатически. Но только при обоюдном желании.

Намека в его словах она не уловила, вновь переведя разговор к расследованию. Пытка ее присутствием становилась невыносимой, и он бросил многозначительный взгляд на часы.

— Поняла. — Жанна скорчила досадливую гримаску. — Тебе пора на охоту.

— Почему сразу на охоту? — возразил он, поднимаясь с места. — Может, на прогулку?

Второй намек тоже выстрелил вхолостую.

— Не завидую тому, кто попадется тебе на пути, — заметила она, сосредоточенно складывая в сумку копии документов.

Пока отвозил ее домой, дважды чуть не попал в аварию. То на родинку засмотрелся, то Жанна случайно задела его рукой, вызывая в памяти солнечное затмение их первой встречи, о которой она сама помнила только то, что он разрешил ей вспомнить.

Когда срочно потребовалось лететь в Таиланд, где обнаружилась Серебряная Слеза, оставить Жанну в Москве было выше его сил. Над ней по-прежнему висела угроза нападения, и что-то подсказывало: он должен взять ее с собой.

Зачем — он понял на месте. Когда после драки с головорезами Жана, напавшими на них в отеле, ворвался в комнату Жанны и обнаружил там двоих убитых.

— А ты можешь стать неплохой Гончей, — сказал он тогда. И тотчас же пожалел об этом, увидев, как помертвело ее лицо.

Он думал, что теперь Жанна поймет его и перестанет ненавидеть. Но вместо этого она возненавидела себя. Убийство охранников не было осознанным выбором. Инстинкт самосохранения, подпитанный кровью Жана, заставил ее убить, защищаясь. И теперь она не знала,

как жить с этим дальше. Она постаралась забыть. Но Жан ей не позволил.

Мог ли француз представить, что Жанна сможет поднять руку на него, своего создателя? Она уже однажды одурачила его, воспользовавшись его кровью для вступления в Клуб. Пусть даже сама того не желая. Жан был опытнее и сильнее, но новенькая оказалась непредсказуемой. Ее действия невозможно было просчитать, и ошибка в расчетах стоила Жану жизни. Вампир, воссоздав легендарную Чашу Лорда, уже упивался своей победой, когда Жанна вонзила последнюю, тринадцатую Слезу Ненависти ему в сердце. Вацлав всякий раз с мучительным стыдом вспоминал те минуты, когда он и все его ребята попали под магическое влияние Чаши. Стоило Жану взять ее в руки, как на Вацлава нашло затмение. Как тогда, когда он оказывался в шаге от Жанны и мечтал затащить ее в постель, так в тот миг он желал служить французу, который вдруг стал казаться воплощением доблести и справедливости и все его прежние преступления внезапно забылись. Все вампиры, находившиеся на заброшенной фабрике, испытали те же чувства. Все, кроме Жанны, которой защитой служила Слеза Ненависти. А когда она погрузила раскаленную Слезу-кулон в сердце вампира, наваждение прошло. И Вацлава захлестнула надежда: гибель француза была осознанным выбором Жанны и между двумя краями пропасти, разъединявшей их, пролегал шаткий мостик. Теперь Жанна его поймет, должна понять. Потому что теперь она знает — есть смерть во благо. Есть ситуации, когда жизнь одного человека угрожает благополучию многих. И тогда ради спасения кто-то должен умереть. И этот выбор делают они, Гончие. Не убийцы — *хранители*.

— Кстати, в нашей команде освободилось одно вакантное место, — стараясь не выдать своего волнения, сказал он. — Буду рад, если ты к нам присоединишься.

Жанна в смятении подняла глаза. И Вацлав пожалел, что поспешил со своим предложением. Она еще не была готова. Он подождет. Что-что, а ждать за долгие годы он научился. И он готов ждать хоть всю жизнь.

После той ночи его уже не сжигала страсть к Жанне — она выгорела дотла вместе со Слезой Привлекательности, которой, как выяснилось, владела новенькая. Это из-за нее он сходил с ума всякий раз, когда оказывался рядом с Жанной, из-за нее терял над собой контроль и отдавался инстинктам. Не зря он в сердцах называл ее ведьмой. Единственным спасением от чар служила работа: одержимость собственным делом иногда перебивала воздействие амулета. Так было в их первую встречу, когда он был настолько увлечен расследованием, что поддался чарам Серебряной Слезы только у дома Жанны. Так было в Таиланде, когда поиски одной Серебряной Слезы перебили воздействие другой, о которой он даже не подозревал.

К удивлению, после утраты амулета Жанна не потеряла для него

своей привлекательности. Теперь, когда разум Вацлава не был замутнен древней магией, он видел новенькую такой, какой она была на самом деле. Не куртизанкой, не вахканкой, не гурией. Девушкой с добрым сердцем и лучистыми глазами, дикой, порывистой, необузданной, непредсказуемой, жизнерадостной, легкомысленной, пробуждавшей в нем нежность и стремление заботиться о ней. По-прежнему желанной, но уже не сводящей с ума, а возрождающей к жизни. Впервые после смерти Эвелины Вацлаву захотелось избавиться от призраков прошлого и заменить портрет мертвой девушки, который он носил у сердца, фотографией живой.

Он почти уже решил сделать первый шаг в новогоднюю ночь. Завершив очередное дело, вышел из штаба и понял — на дворе 31 декабря. Время надежд, время чудес, время загадывать желания и воплощать их в жизнь. Позвонив Аристарху, он узнал, что Жанна сегодня ночью будет в «Версале». Вспомнил о старинной традиции принести свою игрушку для украшения ели и погнал домой. Открыл потемневший от времени сундучок и достал хрупкого фарфорового ангела — сувенир из прошлой своей жизни, единственное, что у него осталось на память о доме и об Эвелине. Вацлав никогда не отличался сентиментальностью, но этой безделицей дорожил, как сокровищем. Раньше он ни за что на свете не вынес бы ее за порог квартиры, не выставил на всеобщее обозрение, не подверг бы ее опасности разбиться. Но других елочных игрушек у него не было, а покупать первую попавшуюся в магазине он не хотел. В том и смысл традиции, чтобы украсить ель не просто безделушками, а нарядить ее в лучшие, самые светлые воспоминания жизни приглашенных гостей, воплощенные в стеклянном фонарике или блестящей конфете. У него был только этот фарфоровый ангел, который помнил прикосновение рук Эвелины, который впитал в себя блеск ее глаз, когда она, смеясь, смотрела на рождественскую ель. И теперь ему хотелось, чтобы после стольких лет заточения в сундучке ангел вновь воспарил среди еловых ветвей, чтобы его увидела Жанна и, быть может, взглянула на него с таким же восхищением, как Эви...

Уже в дверях он замешкался, разулся, вбежал в ванную, выбрил правую щеку и укоризненно покачал головой своему отражению. Старый дурак, он что, надеется, что она с ним целоваться будет? Но не бросать же бритву на полпути. Умывшись, взглянул в зеркало и удивился: показалось, помолодел лет на пятьдесят.

Потом он заскочил в «Версаль», где уже сдвигали столы к вечернему застолью, и, не доверяя никому, нашел стремянку и сам повесил ангела на уже наряженную ель. Место для него нашлось под самым потолком — рядом с забавной золотой рыбкой, при виде которой Вацлав невольно улыбнулся. Интересно было бы посмотреть на мечтательницу, которой она принадлежит. Почему-то он был уверен, что вла-

делица игрушки — женщина. Подумалось, что Жанна, пожалуй, повесит на елку украшение в виде платья или шляпки — в этом вся она.

Ну вот, одно дело сделано. А теперь предстоит самое важное.

Он одурел от толчеи московских магазинов, выбирая подарок для Жанны. Драгоценности — слишком обязывающе, кольцо — чересчур откровенно. Что там еще дарят любимым девушкам? Турпоездки, мобильные телефоны, ноутбуки? Он уже лет сто никому не делал подобных подарков и совершенно растерялся в суматохе магазинов. Его подарок должен стать признанием, первым словом, с которого начнется их разговор, мягким, ненавязчивым предложением: давай попробуем? Вдруг у нас что-то получится? Не отказывай сразу, дай мне шанс...

Подарок неожиданно нашелся в витрине с сувенирами. Забавная статуэтка «Щенок» — словно воплощение его самого. Жанна должна оценить самоиронию. Он ведь Гончий, пес. И он готов так же покорно, как игрушечный щенок, склонить голову в ожидании ее ласки. И смотреть на нее с такой же нежностью и обожанием, как этот смешной песик с ценником, приклеенным за ухом. Безделушка стоила копейки, но она выражала собой все то, что он хотел поведать Жанне, но не мог подобрать слов. Статуэтка была посланием его сердца. И то, как Жанна воспримет это послание, решит все.

Он отстоял длинную очередь, чтобы упаковать песика в красивую коробку, и все это время представлял, как передаст подарок Жанне и какими волнующими будут те мгновения, пока она будет вскрывать обертку. Он даже вообразил, как она делает это: осторожно, стараясь не испортить праздничный маникюр...

Но щенок так и остался запертым в подарочной упаковке. Аристарх опередил его, вручив Жанне бархатный футляр с драгоценностями. И, увидев, каким радостным блеском вспыхнули ее глаза, Вацлав с горечью понял, что не посмеет вручить ей свой подарок. Разве копеечная безделушка может соперничать с сапфирами? Ну и глупо же он будет выглядеть в глазах Жанны!

Он развернулся, чтобы уйти, но Жанна остановила его, продлив эту попытку:

— Может, останешься?

Так хотелось притянуть ее к себе, согреться теплом ее губ, но духа хватило только на то, чтобы вдеть в ее мочку сережку, которую уронил Аристарх. Ее ресницы дрогнули, и он вдруг увидел, что уголок его подарка высунулся из кармана и Жанна заметила его. Смешавшись, он торопливо спрятал коробку и сказал срывающимся голосом, избегая смотреть на Жанну:

— Сапфиры очень идут к твоим глазам.

Ее ответ шпилькой вонзился в сердце:

— Спасибо. Аристарх знает толк в драгоценностях.

Он коротко кивнул, проглотив обиду, пожелал веселого Нового года и развернулся, чтобы уйти.

— Уже уходишь? — окликнул его Аристарх.

— Работа, — соврал он и, стиснув в кармане свой ненужный, такой глупый подарок, стал проталкиваться к выходу между веселящихся вампиров.

Глава 2

ВАМПИРША НА МИЛЛИОН

У вампиров денег летучие мыши не клюют.

*Terre Пратчетт. Carpe Jugulum.
Хватай за горло!*

Быть богатой — это пожизненный приговор, который в основном довольно приятен, и я готова им наслаждаться.

Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

Спустя время я оценила иронию судьбы, согласно которой я становилась единственной наследницей вампира, которого сама же и убила. Но когда на пороге моей квартиры появился серьезный французский нотариус, я даже слушать ничего не хотела. Месье Гренье, выставленный за дверь, вынужден был обратиться за помощью к тяжелой артиллерии в лице Вацлава и Аристарха — единственных, кто имел на меня влияние. Аристарх, понятно, благодаря родству. Кроме того, мой дед — один из старейшин. С Вацлавом мы, к счастью, ни в каких узлах не состоим, хотя он и настойчиво предлагал мне местечко в своей команде ищек. Но нам пришлось немало пережить вместе, так что я научилась доверять этому молчаливому вампиру, который, кстати говоря, не доверяет никому, кроме себя самого. И даже несмотря на то, как он обошелся со мной на новогодней вечеринке, я была рада его видеть.

В последний раз, еще до Нового года, мы втроем собирались не по самому приятному поводу. Жан, могущественный французский вампир, случайно сделавший вампиром меня, прибыл в Москву, чтобы получить последний амулет из дюжины Серебряных Слез. Каждая Слеза воплощала в себе добродетель последнего лорда вампиров, и, согласно легенде, тот, кто соберет все частицы вместе, станет править кровопийцами всего мира. Другие вампиры были не в восторге от идеи попасть под командование Жана, известного своей жестокостью и беспринципностью. Московские старейшины, оберегавшие недостоящую у Жана Слезу, никогда бы не выдали ее ему. Поэтому тот, узнав о родстве старейшины Аристарха со мной, похитил бабушку

Лизу в расчете, что я и дед приложим все усилия, чтобы освободить заложницу в обмен на его требования. И не прогадал — я сделала старейшинам предложение, от которого они не могли отказаться. Аристарх, естественно, меня отговаривал, остальным моя идея пришлось по нраву.

С первого дня, как я появилась в Клубе, старейшины боялись меня как прямой наследницы Жана и беспокоились, как бы его дурная и вместе с тем могущественная кровь не превратила меня одновременно в *supergirl* с неограниченными способностями и в неконтролируемую маньячку, опасную как для вампиров, так и для людей. Поэтому, когда я, пылая ненавистью к Жану, пообещала убить его, старейшины справедливо рассудили, что поединок между нами станет смертельным для обоих, и рискнули выдать мне две Серебряных Слезы, за которые я собиралась выкупить жизнь бабушки.

Гончие были поблизости от места встречи и, как только заложницы — в их число попала и моя лучшая подруга Саша — были освобождены, а мы с Жаном схлестнулись в рукопашной, они ворвались в здание заброшенной фабрики, напичканное головорезами Жана. Я переоценила свои силы — Жан одолел меня, забрал недостающие амулеты и воссоздал легендарную Чашу последнего лорда. Сказка, в которую до конца никто не верил, обернулась страшной былью: Гончие, растерзавшие охранников Жана, подчинились силе Чаши и признали Жана своим властелином. Даже Аристарх, сражавшийся наравне с Гончими, склонил голову перед французом. И если бы не Тринадцатая Слеза, что воплотила в себе ненависть последнего лорда, погибшего от рук предателей, пожелавших занять его место, даже не знаю, чем бы все закончилось...

Слеза, в существовании которой сомневались и в которую не верил даже Жан, оказалась в руках московских старейшин незадолго до приезда француза. Роковой амулет стал причиной безумства одной из старейшин, Инессы, и привел к гибели восьми вампиров, среди которых был и мой любимый — Глеб. Передавая мне Слезу Силы, потребованную Жаном, старейшины подстраховались, вручив мне и Слезу Ненависти — она еще больше усилила мою неприязнь к французу и превратила меня в машину убийства.

В тот момент, когда Жан, держа в руках Серебряную Чашу из двенадцати фрагментов, подчинил себе всех вампиров, находящихся рядом, Тринадцатая Слеза, кулоном висевшая у меня на шее, обожгла меня огнем. Подчиняясь порыву, я сорвала ее с цепочки и кинулась к Жану, чтобы прижать ее к сердцу вампира. Слеза серебряной пулей вошла в сердце. Жан умер, кажется так и не успев понять, что же произошло. А я, завладев Чашей и став в глазах вампиров повелительницей, поспешила избавиться от рокового серебра, бросив в сосуд Слезу Ненависти. Амулеты погибли в магическом пламени. За исключением одного.

Аристарх узнал прямоугольную подвеску, отлитую из Слезы Милосердия, и выхватил ее из огня, невзирая на адскую боль. Подвеска стала моим оберегом от крови Жана, наградившей меня вспышками неконтролируемой ненависти, во время которых я могла убить человека. А Аристарх теперь неразлучен с черной перчаткой, скрывающей искаленную кисть. Увечья, полученные в магическом огне, неизлечимы. И даже наша способность к регенерации здесь оказалась бессильной.

Я очень благодарна деду за этот поступок, предоставивший мне выбор — остаться собой или сделаться кровожадной приемницей ненавистного мне Жана. Поэтому, когда настырный нотариус заявился ко мне домой в сопровождении Аристарха и Вацлава, пришлось впустить служителя Фемиды и даже организовать чайные посиделки на кухне. Вступление речи месье Гренье я прослушала, ибо меня так и подмывало спросить у Гончего, как прошло его новогоднее свидание и оценила ли счастливая избранница его подарок вкупе со свежевывбритыми щеками. Однако, судя по хмурому виду Вацлава, девица если не совсем продинамила его, то нервов потрепала достаточно.

Нотариус тем временем объявил, что он был личным душеприказчиком Жана, и завел речь о его завещании. Мне сделалось не по себе, и я с опаской скосила глаза на Аристарха с Вацлавом. Именно они настаивали на том, чтобы сохранить в тайне произошедшее на заброшенной фабрике. Огонь, который развел Вацлав, уничтожил все следы, и вампирская тусовка знала о случившемся только со слов главы Гончих. Версия для публики была не просто подретушированной, она была бесконечно далека от правды. Я, например, в деле вообще не фигурировала и к гибели Жана никакого отношения не имела. Вацлав опасался, что последователи Жана могут мне отомстить, и взял всю вину на себя. О Серебряных Слезах не было сказано ни слова — зачем волновать народ, если все легендарные амулеты погибли в огне? А о том единственном, которым теперь владею я, известно только Аристарху и Вацлаву. Мужчины решили сохранить это в тайне даже от других старейшин, не без оснований опасаясь, что Слезу у меня отберут. В общем, публике было объявлено, что в результате столкновения Жана с его боевиками и Гончих во главе с Вацлавом на заброшенной фабрике начался пожар и вся французская банда погорела. Вампиры эту новость восприняли с недоверием, и гибель Жана обросла самыми различными слухами: сперва шептались, что Жан не погиб, а лишь фальсифицировал свою смерть. После того как генетическая экспертиза обнаруженных останков подтвердила гибель вампира, заговорили о специально спланированной операции Гончих по уничтожению Жана, о старых счетах между Жаном и Вацлавом, которые были примерно ровесниками. Судачили даже, что эти двое не поделили любовницу (меня, кого же еще!) и схлестнулись в кровавой дуэли. Но ни один самый невероятный слух не приблизился к правде. Никому и в голову не пришло, что это я могла убить Жана.

И вот теперь является душеприказчик Жана, заводит разговор о его смерти. Вацлав сидит с отсутствующим видом, Аристарх сияет, как легендарный алмаз «Санси», начищенный к Международной ювелирной выставке. Кто-нибудь объяснит, в чем дело?

— ...а также движимого и недвижимого имущества в Париже, Ницце, Тулузе, Лондоне, Риме, Монако,— по-французски зачитывал месье Гренье, пока я сверлила недоумевающим взглядом то Вацлава, то Аристарха. Французский-то я понимала, спасибо бабуле-переводчице, но вот что здесь происходит...

Наконец душеприказчик выпалил еще несколько названий европейских городов, заткнулся, и все три пары глаз присутствующих уставились на меня с разным выражением. Нотариус профессионально демонстрировал любезность. Аристарх ликовал, а Вацлав испытывал прямо противоположные эмоции, хотя и пытался их скрыть за безразличной миной. Он был раздосадован и расстроен, как успешный бизнесмен, у которого более ловкий конкурент прямо из-под носа увел большой контракт.

Пауза затянулась, и только я собралась поинтересоваться, что, собственно происходит, всех троих вдруг прорвало.

— Поздравляю! — прозвучало по-русски и по-французски, и в этом хоре отчетливо слышалось радостное поздравление Аристарха, учтивое — месье Гренье и сдержанное — Вацлава.

Я озадаченно молчала, пытаюсь решить хитроумную загадку. О чем же таком вещал нотариус, пока я его не слушала, если начал он со смерти Жана, принеся мне, как его единокровной преемнице, искренние соболезнования, а закончил бурными поздравлениями? Не дай бог, согласно духовному завещанию вампира, ко мне переходят все его тараканы в голове и извращенные способности. Хорошо еще, если для этого потребуются особый обряд и у меня есть надежда избежать постылого наследства. А вдруг все уже свершилось по умолчанию и меня просто ставят в известность — мол, живи и пользуйся? Тогда понятно, почему приуныл Вацлав. Но, позвольте, отчего же так счастлив Аристарх? И при чем тут Ницца, Монако и какая-то Тулуза?

— Кажется, она онемела от радости,— саркастически изрек Вацлав.

— Что ж тут удивительного! — не разделил его сарказма Аристарх, в волнении теребя край черной перчатки.

Нотариус почтительно молчал: видимо, ему шокировать клиентов не в диковинку и он привык к любой реакции, кроме равнодушной.

Равнодушной я не выглядела. Озадаченной — вполне.

— Не могли бы вы повторить? — решила я. Уж лучше признать в том, что пропустила его слова мимо ушей, чем строить нелепые предположения.

— С самого начала? — Месье Гренье не выдал удивления и раскрыл кожаную папку.

Но Аристарх его опередил, вскочив из-за стола и воскликнув:

— Жанна, да что тут повторять! Ты — единственная наследница всего состояния Жана Лакруа!

— Тише,— поморщилась я, покосившись на часы.— Первый час ночи, соседей перебудешь.

И только тут до меня дошло.

— Что ты сказал?!

— Век бы слушала? — поддел меня Вацлав.

— Все состояние Жана — теперь твое! — радостно подтвердил Аристарх.

— Включая движимое и недвижимое имущество в Париже, Ницце, Тулузе... — заученно протараторил нотариус, закончив список упоминанием замков в предместьях Парижа и Праги и острова на Багамах.

— Остров-то ему на что? — ошеломленно выдавила я.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — Аристарх в волнении взмахнул руками и задел люстру.

— Спокойно, дядя Степа, — предупредила я.

— Ты теперь богаче всего московского отделения Клуба, вместе взятого! — ажиотированно воскликнул мой дед.

Вот ведь не было печали...

— Ты теперь будешь жить в замке с кучей прислуги, шить платья у Роберто Кавалли и блистать на венских балах! — разметался вслух Аристарх.— Ты теперь самая богатая невеста среди вампиров во всем мире.

И только сейчас я поняла, почему расстроен Вацлав, хотя и пытается не подать виду. Миллионное состояние, о котором вещал Аристарх, а нотариус ему лобезно поддакивал, автоматически исключало меня из кандидатов в Гончие. А ведь Вацлав не терял надежды, что однажды я примкну к ним. Теперь я сама могла нанять для охраны десяток лучших Гончих. Может, предложить Вацлаву возглавить отряд моих телохранителей? Я тут же отсекала подобную идею — не думаю, что Вацлав ей сильно обрадуется. Одно дело — видеть меня в числе своих подчиненных, и совсем другое — самому мне подчиняться. Вацлав никогда не согласится на это.

— Так когда вы сможете выехать в Париж? — настойчиво повторил месье Гренье.

— Зачем? — не поняла я.

— Чтобы вступить во владение наследством, чтобы уладить все формальности,— терпеливо пояснил он.

— Думаю, на днях,— решила я.

Нотариус одобрительно кивнул.

— Я займусь билетами и визой,— предложил Аристарх.

Засим месье Гренье откланялся, Вацлав вызвался его проводить, и мы остались вдвоем с Аристархом.

— Да, в сравнении с таким роскошным новогодним подарком, ко-

торый преподнес тебе Жан, мой меркнет,— пошутил Аристарх, глядя на календарь, отсчитывающий первые дни нового года.

— А почему Жан оставил наследство мне? — спохватившись, спросила я у деда.

— Ты — его единственная кровная преемница,— просветил Аристарх.— После смерти вампира его состояние делится между теми, кого он инициировал.

— А если таких нет?

— Тогда все переходит городскому Клубу.

— Что-то мне не по себе,— призналась я.— Состояние Жана и впрямь оценивается в миллионы?

Аристарх кивнул:

— Ты теперь сказочно богата, принцесса.

— Что, мне теперь нанять толпу охраны и не высовывать носа из замка? — хмуро поинтересовалась я.

— Зачем? — удивился Аристарх.

— Все охотятся за миллионерами из-за наследства,— заметила я.

— Ну и что? Никому нет смысла убивать тебя ради наследства,— успокоил меня Аристарх.— У тебя же нет кровных преемников. В случае чего миллионы отойдут казне, а от этого никому ни тепло ни холодно... В Париж полетим вместе,— внезапно объявил он и затараторил: — Неужели ты думала, что я отпущу тебя одну? Я и мечтать не мог, что когда-нибудь смогу показать Париж своей внучке. Я самый счастливый вампир на всем белом свете! Заскочу сейчас в «Подземелье», там сегодня должны быть Моника и Руслан,— он назвал имена других старейшин,— договарюсь с ними о каникулах, и начнем паковать чемоданы. Обещаю, ты влюбишься в Париж с первого взгляда!

В Париж я полетела одна. Сопровождение нотариуса не считается. Аристарх накануне вылета был вынужден сдать билет: один из его кровных преемников погиб, упав на машине с Крымского моста. Дед остался на похороны и скрепя сердце отправил меня во Францию одну.

В аэропорту он долго не выпускал моей руки, как будто боялся, что больше никогда меня не увидит, и все повторял, что, как только уладит все формальности, вылетит в Париж ближайшим рейсом.

Чуть в стороне маялся Влад Карасик. Компьютерный гений, в свое время взломавший базы данных ФБР, тем самым попал под колпак спецслужб и привлек внимание вампиров. Вот уж кого приняли в Клуб безо всяких сомнений! Но Влад своими знаниями не кичился, запросто подошел познакомиться на вампирской вечеринке в мою честь. А когда понадобилось срочно восстановить утерянный пароль погибшей Инессы, чтобы достать Серебряную Слезу, хранившуюся у старейшин, и спасти бабушку и Сашку, взятых в заложники Жаном,

Влад примчался среди ночи и взломал шифр. Правда, старался он не только для меня, он еще и красовался перед старшей сестрой Моникой, с которой у них закрутился роман. Но его заслуг это не уменьшает.

После той ночи мы лишь раз виделись мельком — Аристарх вывел меня поужинать в «Подземелье», и там же за отдельным столиком ворковали Влад с Моникой. Когда Моника отлучилась в дамскую комнату, Карасик подошел к нам и, смущаясь, попросил у Аристарха денег взаймы. Аппетиты супермодели явно превышали заработки хакера. Аристарх тогда не преминул пошутить на этот счет, и, судя по изменившемуся лицу парня, он попал в точку. Трудно представить себе более невообразимую парочку, чем эффектная длинноногая Моника и худенький невысокый Карасик.

Юный хакер, которому Аристарх приходился кровным донором, а погибший Эдуард Осокин, соответственно, кровным братом, сегодня был непривычно мрачен и сосредоточен. Трагедия с вампиром по крови стерла безмятежное выражение из его глаз и ямочки с щек, залегла горестной складкой меж бровей, заострила скулы. Влад как будто за одну ночь повзрослел на пять лет, и в мягких чертах его мальчишеского лица появилось что-то жесткое.

— Ты только звони мне,— твердил Аристарх,— ты только сразу звони!

Внезапно мой телефон разразился трелью эсэмэски, я взглянула на экранчик, нажала клавишу «прочитать», но мобильный намертво завис. Как не вовремя-то! Я быстро выключила трубку, включила заново. Но реабилитационные меры, всегда срабатывавшие раньше, на этот раз не принесли никаких результатов.

— Сломался,— удрученно вздохнула я.

— Я куплю тебе новый! — Аристарх взволнованно закрутил головой по сторонам, и тут объявили начало посадки на мой рейс.

— Не успеешь,— озабоченно возразила я. Как некстати остаться без мобильного, когда я улетаю в чужой незнакомый Париж и мобильный — единственная ниточка, связывающая меня с домом.

— Посадку объявили,— сказал Влад, подходя к нам.

— Да слышали мы,— в расстройстве отмахнулся от него Аристарх.— Так, Жанна, стой здесь, я постараюсь быстро.

— Э нет,— возразила я,— не хочу опоздать на самолет!

— Что у вас тут случилось? — вмешался Карасик.

Мы одновременно посмотрели на компьютерного гения и возликовали. Аристарх принялся объяснять суть возникшей проблемы, я сунула в руки Владу телефон. Он сосредоточенно понажимал кнопки, снял батарею, изучил «внутренности» мобильного, и морщинка на его лбу расправилась, сообщая о найденном решении.

— Ну все понятно,— тоном знатока протянул он и выдал какой-то залихватский термин.

● Вампир высшего
класса ●

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА

I. Права и обязанности Ордена Гончих

1. Орден Гончих считается особым подразделением Клуба, отвечающим за защиту жизни, здоровья, прав и свобод членов Клуба, а также всех местных жителей. Приоритетными являются интересы членов Клуба, второстепенными — интересы местных жителей.

2. К основным обязанностям Ордена Гончих относятся:

— охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

— предотвращение и раскрытие преступлений и других правонарушений;

— выявление и задержание преступника;

— ведение дознания и следствия по делам, отнесенным к полномочиям Гончих;

— защита личности, прав и свобод участников Клуба и местных жителей;

— обеспечение тайны существования Клуба.

3. Каждый Гончий имеет единократное право на инициацию одного человека, при его согласии и в том случае, если кандидатура не противоречит правилам вступления в Клуб. В этом случае кандидатура одобряется только Советом старейшин без вынесения на голосование остальных членов Клуба.

II. Положения о телепатии, ментальном допросе и иных вмешательствах в разум

1. Телепатия является средством ментального общения.

2. В отношении людей телепатия, как правило, носит односторонний характер. Между участниками Клуба при обоюдном желании возможно телепатическое общение.

3. Попытка проникнуть в разум участника Клуба без его желания характеризуется как нарушение его личной свободы и преследуется законом.

4. Слиянием называется такое погружение в разум объекта, при котором воздействующий испытывает те же чувства и может влиять на поступки и решения объекта.

5. Слияние относится к числу запрещенных ментальных воздействий.

6. Открывший в себе способности к слиянию должен незамедлительно поставить в известность старейшин местного Клуба или Орден Гончих.

7. Участник, заподозривший, что имело место применение слияния, обязан незамедлительно поставить в известность старейшин местного Клуба или Орден Гончих.

8. За укрывательство информации о слиянии участник Клуба несет уголовную ответственность.

Глава 1

ЛЮКС ДЛЯ НОВОБРАЧНЫХ ВАМПИРОВ

Поддаваться эмоциям — всегда пустая трата времени.

Том Холланд. Раб своей жажды

Мужчины кажутся ужасно сексуальными, когда мрачны и лаконичны.

Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

— Счастливого медового месяца! — пожелал носильщик, внося наш багаж в номер для молодоженов и получив награду за свои труды.

Дверь за парнем захлопнулась, и мы с Вацлавом оглядели апартаменты, в которых счастливые жених и невеста предаются радостям первой брачной ночи. Я — в замешательстве, Вацлав — с неизменно бесстрастным выражением лица. С таким же взглядом можно рассматривать армейскую казарму, которую предстоит делить с сослуживцами.

У меня же складывалось впечатление, что я очутилась в каком-то пошлом любовном романе. Мужчина и женщина, отель, кровать — одна на двоих. Вот только герои любовных романов обычно без ума друг от друга, хоть и не подают вида. А мы — только деловые партнеры. Как бы мне ни хотелось чего-то большего...

— Что ж,— хладнокровно проговорил Вацлав, отступая к двери,— ты располагайся, а я посижу внизу.

От его низкого, с хрипотцой голоса меня, как обычно, бросило в жар. А при мысли о том, что нам предстоит ночевать в комнате с одной общей кроватью, я задышала чаще.

— И что ты собираешься там делать? — Мой вопрос настиг его уже на пороге. — Пропустишь бокальчик виски, набираясь смелости перед первой брачной ночью, или просто перекусишь кровью из вен портье?

Гончий бросил на меня испепеляющий взгляд. Можно подумать, мне нравится идея поселиться с ним в люксе для молодоженов! Но что поделать, если других свободных номеров нет, а нам нужно непре-

менно остановиться в этом отеле, по соседству с Фабиолой, за которой мы ведем слежку от самого Парижа.

Случайная встреча с ней в аэропорту кардинально поменяла наши планы. Вместо Москвы мы полетели в Прагу, в надежде что Фабиола приведет нас к другим одиннадцати вампиршам, тайную встречу которых я случайно застала в Замке Сов. Тем, в чьих венах, как и в моих, течет кровь погибшего Жана. Он что-то тайком оставил им в наследство. Не иначе как начитавшись Дэна Брауна, зашифровал находение ларчика на двенадцати серебряных кулонах, принадлежавших каждой из вампирш. Один из них по стечению обстоятельств оказался у меня, но к разгадке тайны ни на шаг не приблизил. Только сложенные вместе в виде кусочков пазла, подвески превращались в карту с подсказками. Пустившись тайком вслед за Фабиолой, мы с Вацлавом надеялись, что разыщем остальных вампирш и узнаем, что оставил им Жан. А уж в том, что ничего хорошего от Жана ожидать не стоит, я твердо усвоила даже за короткое с ним знакомство. С учетом того, что последние годы своей жизни вампир искал способ обрести власть над всей нашей братией, эта штука может быть весьма опасной.

Кроме того, я преследовала и другую цель. С первых дней в Клубе из-за крови Жана меня считали каким-то чудовищем. Вместе с кровью новичок получает и отпечаток характера своего донора. И если донор — силен и жесток, а новичок — слаб духом, он может уподобиться своему создателю. Московские старейшины боялись, что со мной все так и произойдет. Поэтому с первых же дней ко мне приставили Глеба, который постоянно был рядом и следил за мной. Да и Вацлава предупредили, что в случае, если я начну представлять угрозу, меня надо уничтожить. В первые месяцы кровь Жана во мне давала о себе знать: я стала более вспыльчивой и раздражительной, гнев придавал мне разрушительную силу, а инстинкт самосохранения, подпитанный ненавистью Жана, дважды заставил убить — пострадали охранники Жана, которых он отправил к нам с Вацлавом, чтобы отобрать Серебряную Слезу. А когда охранники потерпели поражение, Жан приехал в Москву сам, и мы встретились на заброшенной фабрике.

В ту ночь я убила Жана под воздействием Слезы Ненависти, амулеты расплавились в магическом огне, а мой родной дед Аристарх вытащил из огня Слезу Милосердия. Он надеялся, что амулет поможет мне справиться с влиянием крови Жана и даст шанс остаться самой собой. Я носила амулет в Париже, а потом узнала о существовании своих двенадцати кровных сестриц — вампирш с безупречной репутацией, и засомневалась, так ли велико влияние крови Жана, как это думают старейшины. Покидая Париж, я случайно обронила амулет и заметила ту, кто его подобрал. Но не стала ее догонять — мне хотелось проверить, какой я стану без Слезы Милосердия. И теперь я должна разыскать своих сестер и раскрыть тайну их родства с Жаном всему

Клубу — чтобы меня перестали считать чудовищем, чтобы разделить с ними бремя кровной наследницы жестокого француза.

— Я должен убедиться, что Фабиола никуда не пойдет сегодня ночью, — мрачно ответил мне Вацлав.

— А носильщик тебя не убедил? — возразила я.

Мы вошли в гостиницу на окраине Праги спустя пятнадцать минут после Фабиолы. В поздний час персонала было мало, а постояльцев, жаждущих заселиться, еще меньше. Фабиоле повезло — она отхватила последний стандартный номер, так что Вацлаву пришлось раскошелиться на апартаменты для новобрачных. А провожал нас на этаж тот же носильщик, что нес багаж Фабиолы. Пока я думала, как бы так ненавязчиво расспросить парня об интересующей нас девице, Вацлав просто пристально взглянул ему в глаза, задал несколько вопросов и получил всю исчерпывающую информацию: новая постоялица просила ее не беспокоить, жаловалась на утомительный перелет и сказала, что собирается проспать до следующего вечера. Причем носильщик тут же забыл об этом странном происшествии и, обведя нас осоловелым взглядом, пожелал счастливого медового месяца и убрался восвояси.

— До рассвета еще пара часов, и я не хочу упускать ее из виду, — упрямо возразил Вацлав. — Носильщику она могла и соврать.

Я пожалала плечами — делай что хочешь. Только спросила:

— Моя помощь не нужна?

Вацлав покачал головой:

— Отдыхай.

Он пересек комнату и плотно задернул шторы, словно не собирался возвращаться в номер даже с наступлением дня и решил заранее обезопасить меня от солнечного света.

И что я ему такого сделала, размышляла я, глядя на его напряженную спину. Подумаешь, у стойки регистрации не удержалась и, услышав про то, что мы вынуждены взять номер для молодоженов, пошутила: «Дорогой, не забудь попросить, чтобы в номер принесли шампанское и осыпали кровать лепестками роз. Я это обожаю!» Глупо получилось, согласна. Но Вацлав тогда дернулся так, будто я его в наручниках под венец тащу. Больно надо с таким мужем всю вечность мучиться. Мало того что по характеру совершенно невыносимый, так еще и практически бессмертный... И вообще, до недавнего времени я считала, что настоящий мужчина должен посадить денежное дерево в швейцарском банке, построить виллу на Канарах и вырастить Билла Гейтса. Или хотя бы Тома Круза. И уж Вацлав, бывший главой Московского Ордена Гончих, меньше всего вписывался в этот идеальный образ.

Я смутилась, заметив, что Вацлав уже развернулся и пристально смотрит на меня. Черт, неужели он опять читал мои мысли? Я поторопилась перевести тему:

— И все-таки откуда ты так хорошо знаешь чешский? Ты так и не сказал.

Когда мы сели в такси у аэропорта, Вацлав свободно заговорил с водителем на чужом языке, объясняя, что следует ехать за машиной с Фабиолой. И всю дорогу я слушала журчание незнакомой речи, а когда я умудрилась вклинить в оживленную беседу со своим вопросом, Вацлав просто от меня отмахнулся. Причем вид у него был такой, словно я помешала ему добывать информацию государственной важности. Похоже, разговор коснулся и меня, потому что водитель, глядя на меня в зеркало заднего вида, заулыбался и сказал что-то Вацлаву, отчего тот помрачнел, как Дракула при виде распятия, и что-то недобро буркнул. В тот момент я готова была отдать новенькую сумочку от Шанель, купленную в Париже, лишь бы узнать, о чем речь! Интересно, сколько лет Гончий прожил в Праге, если так свободно выучил язык?

— Я здесь родился, — неохотно ответил он и смерил меня тяжелым взглядом, давая понять, что эта тема закрыта.

— Вацлав — это же чешское имя, да? — чувствуя себя полной идиоткой, уточнила я.

Гончий коротко кивнул и стремительно вышел вон. Я в смятении уставилась на захлопнувшуюся за ним дверь. Что бы с ним ни случилось в этом городе и как бы давно это ни было, ясно одно: для Вацлава это по-прежнему болезненная тема. И именно здесь произошло то, что сделало Вацлава тем, кем я его знаю. Одиноким, отчаянным, неприкаянным Гончим. Тем, кто безжалостно расправляется с преступниками. Тем, кто спас меня от верной гибели в Париже. Тем, кто равнодушно разбил мое сердце.

Наверное, это была самая скучная ночь из тех, что видели на своем веку эти стены. Нашу первую с Вацлавом ночь в номере для молодоженов я крепко проспала. И даже не знаю, спали ли мы в одной постели или нет. Засыпала я в одиночестве, проснулась тоже. Дневной свет струился из-под задвинутых штор, рисуя солнечные узоры на полу. Вампирам бы в это время еще спать да спать, но Вацлава в кровати уже не было. Или — еще не было? В любом случае задерживаться в постели не стоит.

Замотавшись простыней, я прошла в ванную и поплескала в лицо холодной воды. Короткий сон отразился на коже: лицо в зеркале выглядело иссиня-белым, не добавляли красоты и тени, залегшие под глазами. Сейчас я выглядела как настоящая вампирша из фильмов ужасов — бледная кожа, длинные темно-каштановые волосы, запавшие глаза, кажущиеся совсем черными, злорадная ухмылка. «Сейчас я вас тут всех съем!» Я оскалилась своему отражению и потянулась за зубной щеткой. Надо отполировать клыки, чтобы не выпасть из образа.

Горячий душ вернул меня к жизни. Кожа чуть порозовела, мокрые волосы завились кольцами, так что и в зеркало теперь было взглянуть приятно. Все-таки я довольно симпатичная. Недаром даже искусственный в женской красоте Жан Лакруа считал меня хорошенькой. У меня большие карие глаза, выразительные губы и тонкий нос, которым не устает восхищаться мамина подруга Клара Петровна, работающая пластическим хирургом. По ее словам, мой нос — мечта половины ее клиенток. Остальные, кстати говоря, мечтают о груди Анны Семенович. А вот я совершенно не комплекую из-за своего второго номера — благодаря ему я всегда могу найти бюстгальтер по размеру и на распродажах в магазинах белья не страдаю от ограниченного выбора. Так что Кларе Петровне никогда не заполучить меня в качестве своей клиентки, хотя она, в приступе душевной доброты, и обещала мне хорошую скидку! Скидка, конечно, рубль бережет, но своя грудь, знаете ли, ближе к телу. А вот с волосами мне не повезло, я с досадой взглянула в зеркало. Выются как хотят! После мытья их даже щеткой не расчешешь, приходится распутывать пальцами. Выполнив эту утомительную процедуру, я слегка подсушила волосы феном и осталась довольна результатом. Теперь можно и в мир, и в шоп, и в добрые люди. Одеться бы еще! Я в сомнении потопталась у двери, перевода взгляд с полотенца на простыню. Одежду я с собой не захватила. Из комнаты вроде не доносится ни звука. Но что, если Вацлав вернулся? Не могу же я выйти из ванной в чем мать родила! Подумает еще, что соблазняю. И кстати, будет прав. А если не соблазнится? Вот стыд будет!

Завернувшись в банное полотенце, я прошла в комнату и ахнула от неожиданности: от зашторенного окна метнулась крупная тень. В голове пронеслись десятки версий: от банальной «в номер пробрался вор» до провальной «Фабиола заметила слезку и пришла разобраться». Но уже через мгновение я нащупала выключатель на стене, включила верхний свет и с облегчением перевела дух: тень обрела знакомые очертания Вацлава. Высокий рост, крутые плечи, правильный профиль. Благородно-строгое лицо — крутой изгиб бровей, широкие скулы, мужественная линия рта, резко очерченный подбородок, смуглая кожа. Необычный цвет глаз — серые с карими крапинками, словно россыпи солнечных брызг по талому льду. Отросший ежик смоляных волос — у парикмахера Вацлав не был уже с Москвы. С волосами такой длины он выглядел моложе, чем обычно. Если при нашей первой встрече я решила, что Гончему лет тридцать, то сейчас он выглядел не больше чем на двадцать пять, даже принимая во внимание неизменную щетину, которая придавала ему сходства с пиратом. Особые приметы: белая ниточка шрама на правой щеке, которой я касалась солеными от слез губами, когда думала, что Вацлав погиб. Смутившись от этого воспоминания, я сердито пристыдила его:

— Ты меня до смерти напугал! Я не слышала, как ты вошел. И вообще — стучаться надо!

— Я стучался — ты не отвечала. И между прочим, я здесь тоже живу. — Он и бровью не повел, словно для него видеть меня в банном полотенце на голое тело — столетняя привычка.

И от этого его хладнокровия капельки на моей влажной коже превратились в мурашки.

— Мог бы признаться, что стал волноваться, когда я не ответила. Мало ли, вдруг в твоё отсутствие наведалься охотник за вампирами и разрядил в меня барабан с серебряными пулями, — плотнее запахивая полотенце на груди, заметила я.

На самом деле вред серебра — это миф, придуманный долгожителями, чтобы отпугнуть молодежь от поисков Серебряных Слез. Вампиры не боятся серебра и легко носят украшения из него. Но я стала вампиром совсем недавно, и в моей памяти ещё были живы легенды о «детях ночи», большинство из которых не имели никакого отношения к реальности. Хотя и некоторые вампиры продолжали в них верить. Например, отправляясь со мной на заброшенную фабрику к Жану, мой дед Аристарх взял с собой пистолет с серебряными пулями. Это было вполне в его духе — если пальто, то от Прада, если пули — то из серебра.

— А что, Аристарх потом с тебя голову снимет, что не уберег... Ой! — Я вспомнила об обещании, данном моему деду-вампиру при прощании в аэропорту. — Совсем забыла ему позвонить. Странно, что он ещё телефон не оборвал.

Аристарх был не в курсе истинной причины нашего поспешного отлета в Чехию. Когда мы разделились в аэропорту Парижа, я сказала, что лечу в Прагу отдохнуть, а Вацлав согласился выступить моим гидом. Если бы я упомянула о Фабиоле, Аристарх принял бы волноваться и непременно увязался бы следом.

— Потом позвонишь. — При упоминании имени Аристарха лицо Вацлава помрачнело.

Что это с ним? Вроде дед и Гончий были довольно дружны. А последние события в Париже ещё больше их сплотили — тогда они оба пострадали из-за меня. Решением Парижского Клуба Аристарха исключили из Совета старейшин Москвы, а Вацлава отстранили от руководства Орденом Гончих. Потом преступный поступок Василия Громова, в результате которого чуть не погиб Вацлав, вынудил парижских старейшин пойти на уступки. Громов остался безнаказанным, но и мой дед с Гончим были восстановлены в своих правах.

— Одевайся. Фабиола отправилась нанимать машину, это займет у нее минут двадцать. Мы должны проследить за ней после выхода из салона.

Придерживая норовившее соскользнуть полотенце, я проскакала в смежную с гостиной спальню и прокричала оттуда:

— Откуда ты знаешь, что ей понадобится именно двадцать минут?

— Потому что я уже был в ближайшем салоне и арендовал нам автомобиль, — последовал невозмутимый ответ.

— Уверен, что она пойдет именно туда? — засомневалась я, влезая в джинсы.

— Я слышал, как она разговаривала с портье, и он назвал ей тот же адрес, что и мне незадолго до этого.

— Что-то рано она сегодня, — поделилась я своим удивлением, натягивая джемпер. — Думаешь, остальные вампириши тоже встанут так рано?

— Думаю, что ее визит в Прагу необязательно может быть связан с наследием Жана.

— Хочешь сказать, что мы прилетели зря?!

Я торопливо расчесала волосы и собрала их крабом. Бросила взгляд в зеркало и усмехнулась. Сейчас я была одета так же, как Фабиола, когда я впервые увидела ее в Замке Сов. Черный свитер, узкие джинсы, мокасины. До полного сходства не хватает только черных перчаток и заплетенных в косы волос. Даже внешне мы чем-то похожи — обе невысокие худенькие брюнетки. Только у испанки кожа смуглее и черты лица экзотичнее.

Что ж, я невольно последовала примеру Фабиолы, выбирая одежду для слежки. Неброско и удобно. Проще простого слиться с толпой, хотя обычно я стремлюсь к обратному эффекту. Но сейчас другой случай. Фабиола не должна почуять слежки. Пока мы сами не решим показать ей на глаза.

Судя по одобрителному взгляду, которым смерил меня Вацлав, с одеждой я угадала.

— Держи! — В его ладони мелькнула полоска стали.

Я непонимающе подняла глаза: зачем мне кинжал?

— Фабиола опаснее, чем ты думаешь, — сухо пояснил Вацлав. — Если что-то пойдет не так, я хочу, чтобы ты могла защитить себя.

— Придется верить тебе на слово, ты же знаешь ее лучше, чем я! — Мой красноречивый взгляд на Вацлава впечатления не произвел и на откровенность его не вызвал. Я схватила кинжал, вложенный в ножны, не отказав себе в маленькой мести — пройтись ногтями по раскрытой ладони Вацлава. Тот даже не поморщился. Что ему моя царапина? За долгие годы работы Гончим он научился терпеть и не такую боль.

Я попыталась запихнуть кинжал в карман джинсов, ломая голову еще над одной тайной из прошлого Вацлава. Гончий знаком с Фабиолой, поэтому не желает до поры до времени показываться ей на глаза. Хотела бы я знать, при каких таких обстоятельствах им приходилось встречаться! Но Вацлав по этому поводу хранил партизанское молчание. Попытки разговорить его в самолете ни к чему не привели, что только раздражило мое воображение, которое весь рейс до Праги

подбрасывало мне все новые и новые версии знакомства Вацлава с Фабиолой, одна другой фантастичнее.

Фабиола — сводная сестра Вацлава, когда-то оттяпавшая все его наследство. А что, они даже чем-то похожи! Вот только Вацлав живет на свете уже лет двести, а Фабиола стала вампиром не раньше чем два года назад. Как и остальные одиннадцать вампирш, которых мы ищем.

Фабиола — бывшая невеста кого-то из преступников, которых выследил и убил Вацлав.

Фабиола — любовь Вацлава. Ведь кому-то же он приготовил подарок в новогоднюю ночь. Вот только та счастливица живет в Москве, а Фабиолы я в это время в городе не видела. Если только она не приезжала тайно...

— Хватит копать! — вернул меня в реальность голос Вацлава.

Устав наблюдать за моими беспомощными попытками спрятать кинжал в карман джинсов, Гончий сделал ко мне шаг, придержал за талию, а потом быстрее, чем я успела сообразить, задрал на мне джемпер, обнажив полоску на животе, и заткнул ножны кинжала за пояс.

— Это делается так, — спокойно сказал он, будто не замечая того, что я даже дышать перестала. И убрал руку с моего обнаженного живота, а отпечатки его пальцев на моей коже продолжили пульсировать, взрывая мой мозг желанием.

Черт, а работать с Вацлавом будет куда сложнее, чем я это себе представляла.

— А теперь пошли. Фабиола, должно быть, уже заканчивает оформлять документы.

Я торопливо натянула короткую куртку и поспешила вслед за Гончим в промозглый пражский февраль.

Машина, которую взял напрокат Вацлав, ему совершенно не подходила. Серая, неприметная, безликая. То ли дело его мощный черный внедорожник, на котором он разъезжает по Москве. Но, похоже, при выборе автомобиля для слежки Вацлав руководствовался теми же соображениями, что и я при составлении гардероба.

Вацлав оставил авто в нескольких шагах от парадного входа в отель, так что поджариться на солнце, выглянувшем из-за облаков, мы не успели. Машина завелась не сразу. Вацлав возился с ключами, сердился и ругался.

— Что, не удастся найти общий язык? — поддела я. — Ты бы ее не руганью, а лаской. Она же все-таки девочка.

— Ты бы лучше пристегнулась, — угрюмо посоветовал Вацлав, наконец-то заводя мотор.

— Есть, Шумахер. Только по возможности езжай не очень быстро — хотелось бы все-таки разглядеть город, в котором я так мечтала побывать.

Вместо ответа Вацлав прибавил газу. Через пять минут мы уже

были на месте и припарковались у обочины так, чтобы видеть выезд из гаража автосалона. Я огляделась — оживленная улица, современные коробки панельных домов, серый асфальт под колесами машины, витрины супермаркета через дорогу. И это знаменитая Прага? Где же готические башни замков, похожие на шпильки модных туфелек? Где вековая брусчатка? Где веселые пивные бары, в которых подают лучшее в мире пиво?

— Не туда смотришь, — отрывисто бросил Вацлав. — Вот она.

Острое зрение вампира мгновенно различило Фабиолу, сидящую за рулем небольшой черной иномарки. Нам даже разворачиваться не пришлось: Фабиола не стала возвращаться на дорогу, ведущую к отелю, а двинулась дальше по улице. Мы пристроились в хвосте. Вскоре вслед за Фабиолой мы въехали в Старый город, и я на время забыла о цели нашей поездки, вертя головой по сторонам.

Прагу не зря называют сказочной! Извилистые улочки, подобно руслу реки, огибают дома и, кажется, за поворотом заканчиваются каким-нибудь порталом в Средневековье. Шпили храмов и башен пронзают небеса, и легко представить, как за решетчатым окошком какой-нибудь башни ждет своего принца сказочная Рапунцель, а в небе разве что парящих драконов не хватает. К отреставрированным фасадам домов примыкают потемневшие от времени каменные здания, которые, наверное, сохранились в первозданном виде с самой юности Вацлава. Интересно, что он чувствует, попав в город, где родился? Я взглянула на Гончего, но тот невозмутимо вел машину, следуя за Фабиолой.

— Вацлав, а сильно изменилась Прага со времен твоего детства? — не сдержала я любопытства.

— Раньше не было машин и туристов, — сухо ответил он.

Мы как раз проезжали мимо группы японцев, которые стояли у стен живописного здания и беспрестанно щелкали вспышками. Посмотреть бы хоть на настоящих пражан! Как они одеваются, что носят. Но вряд ли в историческом центре города встретишь коренных жителей. Это все равно что искать москвичей на Красной площади или на Арбате.

Мы повернули вслед за Фабиолой и оказались на тихой улочке — такой узкой, что на ней не разъедутся две машины, поэтому движение было односторонним. А во времена Вацлава, должно быть, здесь могла проехать всего одна повозка, запряженная лошадей. И тогда, наверное, все прохожие были вынуждены жаться к стенам, чтобы ее пропустить. По одну сторону улочки тянулись фасады домов. Узкие, всего в три окна, и невысокие, по два-три этажа, они тесно примыкали друг к другу разноцветными заборами — желтым, розовым, зеленым, голубым, снова желтым. По другую сторону улочки шла глухая каменная стена без окон и дверей, только на уровне второго этажа были

ввинчены кованые уличные фонари. Идеальное место для охоты вампира — никто не увидит, никто не услышит.

Наконец Старый город с группами туристов остался позади, мы свернули в какой-то деловой квартал, и я с интересом уставилась на прохожих. Так вот они какие, модницы Праги! В моде определенно черное. Девушки одеты в узкие брюки или джинсы, заправленные в сапоги, сверху — короткие курточки. Так что я среди них запросто сойду за свою. То тут, то там мелькают яркие пятна: синий берет, желтые перчатки, красная сумка. Кому-то хочется выделиться из унылой черной толпы, и тогда в ход идут аксессуары. Впереди полыхнул алым костром красный шарф, и я затаив дыхание прильнула к автомобильному стеклу. Француженка в красном шарфе в аэропорту Парижа подобрала оброненную мною Слезу Милосердия — серебряный кулон, сделанный из кусочка Чаши легендарного последнего лорда. Этот кулон, выхваченный Аристархом из магического пламени, служил мне оберегом от влияния крови Жана и сдерживал порывы гнева, которые я приобрела вместе с кровью вампира. Но когда я обнаружила, что амулет потерян, не стала спешить вслед за подобравшей его француженкой. Хочу быть самой собой. А слухи о кровожадности преемников Жана, похоже, сильно преувеличены. Ведь выяснилось, что у меня есть двенадцать кровных сестер, и они ни в каких кровавых преступлениях не замечены.

Машина поравнялась с девушкой в красном шарфе, я обернулась, чтобы взглянуть ей в лицо. Конечно, это не она! И можно только гадать, в какую страну мира попадет Серебряная Слеза вместе со своей новой хозяйкой, которая ожидала рейса в международном терминале парижского аэропорта.

— Приехали. — Вацлав притормозил у обочины и кивком указал на Фабиолу, выходящую из машины. Ступив на тротуар, испанка уверенно зашагала вдоль кованой ограды к открытым воротам с цветными растяжками на створах.

— Музей?! — Я в удивлении протерла глаза, глядя на классическое здание за воротами и афиши с объявлениями об экспозиции. — Она прилетела в Прагу, чтобы сходить в музей?

Фабиола тем временем вошла в ворота и неторопливо двинулась к зданию.

— И что ты на это скажешь? — спросил Вацлав, глядя на меня волком, как будто это я виновата в том, что мы вытянули пустой билет.

И тут меня осенила идея, в которую я даже сама поверила.

— Скажу, что лучшего места для тайной встречи двенадцати вампириш из разных стран не придумаешь, — на одном дыхании выпалила я.

Вацлав недоверчиво поднял бровь.

— Смотри, — поторопилась развить свою мысль я, — солнце уже почти село. Если еще не все вампириши в сборе, то с наступлением сумерек даже самые чувствительные к свету смогут добраться до музея.

Реакция на свет у всех вампиров индивидуальна. Яркое солнце неприятно всем. Есть такие, кто совсем не может выносить дневного света и появляется на улице только с приходом ночи — например, бывшая парижская старейшина Вероник. В пасмурные дождливые дни, воспользовавшись солнцезащитным кремом, многие могут спокойно разгуливать по улице. К счастью, я из их числа. Но днем я из дома практически не выхожу — с вступлением в Клуб мой график жизни сдвинулся на ночное бодрствование. Ночь — время вечеринок и встреч с другими вампирами, а днем я отсыпаюсь, восполняя силы.

— До закрытия остается час,— скептически заметил Вацлав, провояая взглядом Фабиолу, приближающуюся к ступеням здания.

— Тогда нужно действовать быстро! Чего мы ждем? — Я приоткрыла дверь машины и в недоумении оглянулась на Вацлава, не тронувшегося с места.

— Ты забыла? Фабиола меня знает. Она не должна меня увидеть.

— Что ж, тогда я пойду одна.

Вацлав не стал ни возражать, ни препятствовать. Я с сомнением потопталась на тротуаре, не решаясь захлопнуть дверь.

— А если это будет опасно?

Он не высказал ни малейшего беспокойства.

— Не съедят же они тебя прямо в музее на глазах у посетителей и охраны!

— И почему мне кажется, что, если это все-таки произойдет, ты не сильно-то и расстроишься? — буркнула я и от души хлопнула дверцей.

Фабиолу я догнала у кассы. За билетами выстроилась очередь, и нас разделяло человек десять. Когда я наконец получила билет, Фабиола уже минут пять как скрылась в музее. Миновав контроль и войдя в первый зал, я растерянно огляделась. Народу было как в ГУМе в первый день распродаж. Смешливые школяры, шумные студенты, бойкие старушки, любопытные туристы толпились у витрин с экспонатами, переходили из зала в зал. И многие темноволосые, невысокие, в черной одежде, как Фабиола. Разве ее разглядишь в толпе?

Собравшись с духом, я двинулась по залу. Посетители вертели головами, рассматривая древности, а я обшаривала взглядом собравшихся в надежде разыскать Фабиолу и чувствовала аромат людской крови, плывший по залу. Я не из тех вампов, что звереют в присутствии людей. Кровь, необходимую для получения жизненной силы, я пью из бутылочек с донорской кровью: при вступлении в Клуб каждый вампир получает талоны на питание, и его право — использовать их или отказаться, самому занявшись своим пропитанием. Охота за одиноким прохожим или охмурение юнцов в ночных Клубах — не для меня. Хотя многие из вампиров находят в этом удовольствие. Такие, как я, предпочитают донорскую кровь, в меньшинстве. Вацлав и Аристарх предпочитают живую кровь из вены. Интересно, каких взглядов на питание придерживается Фабиола?

В первых трех залах ее не оказалось. В четвертом демонстрировалась временная экспозиция — сокровища испанской короны. При виде бриллиантового ожерелья, сапфирового гарнитура и прочих безделушек испанских королей я на миг потеряла голову и позабыла обо всем на свете. До чего же хороши! И как изменчива судьба! Ведь еще недавно я могла бы купить себе одно из этих роскошных украшений. Месяц назад я узнала о том, что стала наследницей миллионного состояния Жана Лакруа как его единственная официальная кровная приемница. Дедушка Аристарх уже видел меня самой богатой невестой среди вампиров. Но я так и не успела почувствовать, каково это — быть миллионершей. Меня обвинили в убийствах, которые я не совершала, заключили под стражу, вынесли смертный приговор и, если бы не вмешательство Вацлава в последний момент, привели бы его в исполнение. После того как в ходе ментального допроса открылось, что это я убила Жана, а не Вацлав и его Гончие, как было объявлено официально, о миллионах пришлось забыть. Парижский Совет старейшин воспользовался случаем, чтобы отказать мне в праве на наследство и прибрать состояние Жана к рукам Парижского Клуба. И вот теперь о бриллиантах и рубинах остается только мечтать, глядя на них через стекло витрины.

Не зная, сколько бы я простояла, восторженно изучая шедевры ювелирного искусства, но тут мое внимание привлекло другое сокровище — уже из области современной моды. Сумочку из кожи питона от Боттега Венета, признанную лучшей сумкой прошлого года, я в любой толпе замечу. В аэропорту Парижа именно она заставила обратить мое внимание на Фабиолу, вот и сейчас дизайнерская вещица магнитом притянула мой взгляд. Испанка стояла среди экскурсантов, обступивших витрину в центре зала, и делала вид, что слушает гида. Хотя, может, она и впрямь понимает чешский?

Протиснувшись поближе, я увидела ее — самое большое сокровище экспозиции, предмет, которому отводилось центральное место в зале, венец всей коллекции. Это была королевская диадема, украшенная сотней ослепительных бриллиантов. Ювелир, создавший это чудо, был настоящим волшебником. Золотой каркас диадемы представлял собой тончайшее кружево, от которого расходились многочисленные лучики, усыпанные бриллиантами. Каждая алмазная капелька, казалось, вобрала в себя целую радугу. Это было не просто красивое украшение, это был мощнейший артефакт, который даже самую невзрачную испанскую инфанту сделал бы блистательной королевой. С такой радужной короной на голове вмиг избавишься от робости и неуверенности и ощутишь себя не только первой красавицей, но и властительницей мира. Я бы все на свете отдала, лишь бы примерить ее хотя бы на минутку.

Я невольно подалась вперед, стараясь запечатлеть в памяти каждый золотой завиток, каждую бриллиантовую росинку, унести в

своем сердце кусочек этой волшебной радуги. Кто-то что-то резко сказал, и мои соседи отодвинулись от витрины, а я поймала на себе строгий взгляд гида и с неохотой отступила на шаг. А когда подняла глаза, чтобы еще раз насладиться зрелищем испанской короны, то увидела, как задорно сверкают через двойное стекло витрины два угольно-черных агата — глаза Фабиолы, смотрящие прямо на меня. Я помертвела — неужели она меня узнала? Но Фабиола только улыбнулась и опустила голову, увлеченно разглядывая корону, так что две смоляные косы упали на грудь, а из ворота черного джемпера выскользнула цепочка со знакомым мне пазлом-кулоном. Похоже, мы разделяем одну и ту же страсть, и вампирша только поэтому отвлеклась от созерцания драгоценностей. А может, ее удивило наше сходство во внешности и одежде — в толпе нас можно принять за двойняшек. Так или иначе корона целиком завладела вниманием Фабиолы — девушка просто приклеилась к стеклу. А мне даже не пришлось притворяться и искать повода не выпускать ее из виду. Я стояла по другую сторону витрины, одновременно любуясь короной и следя за вампиршей. Мы могли бы так простоять и ночь напролет, но музей стал закрываться, и оживившиеся зрители принялись разгонять поздних посетителей.

— Ну что? — встрепнулся Вацлав, когда я села в машину.

— Я никого не видела, — с разочарованием доложила я.

К Фабиоле так и не подошел никто из одиннадцати вампирш. Правда, если бы кто-то из них передал ей записку через постороннего человека, воспользовавшись толчеей, я бы ничего не заметила. Но кому нужны такие шпионские страсти, когда в каждом мобильном есть возможность отправки эсэмэс?

— А она? — Вацлав кивком указал на Фабиолу, отчего-то не торопившуюся садиться в машину. Девушка с интересом вертела головой по сторонам, изучала музейную ограду, так, будто бы она тоже представляла эстетическую ценность.

— Просто разглядывала экспонаты.

Вацлав иронически хмыкнул:

— И что именно? Корону испанской королевы Эсперанцы?

— А владелицу короны звали так? — оживилась я и тут же осеклась под насмешливым взглядом Гончегго. Да, у меня не было времени прочитать табличку с историей короны! Мне было куда интереснее разглядывать ее саму. — А ты-то откуда знаешь?

Он взглядом указал на газету, лежащую на приборной панели.

— Сбежал в киоск. Все газеты пишут об этой выставке, ее ценности и беспрецедентных мерах по обеспечению ее сохранности.

— Да? — Я с недоумением пожала плечами. — Не заметила, чтобы там было много охраны. Ну ходил какой-то хмурый шкаф с рацией — и все.

— Все дело в сигнализации, — снисходительно пояснил Вацлав.

Я с любопытством взглянула на здание музея, почти слившееся с сумерками.

— Хочешь сказать, с наступлением ночи там включаются такие лазерные лучи, как в кино?

— Не знаю, что там включается, — ответил Вацлав, — но только директор музея во всех интервью распинаяется, что обойти эту систему охраны невозможно. Зря он так, ох зря.

Я в растерянности промолчала, не понимая, что плохого в том, что директор уверен в сохранности доверенной ему коллекции.

— И как думаешь, — небрежно бросил Вацлав, — когда она собирается украсть корону?

— Что? — опешила я и от неожиданности заморгала.

— Фабиола. — Вацлав кивнул на девушку, которая наконец-то села в машину. — Когда она планирует обчистить музей?

— Ты шутишь? — ошеломленно уточнила я.

— Какие уж тут шутки. — Он скривил губы в усмешке. — Сначала я решил, что мы зря сюда приехали. Фабиола здесь по личным интересам, а не по делу двенадцати вампирш. Но потом сообразил, что, если нам удастся поймать ее на выходе из музея с короной в руках, она более откровенно ответит на наши вопросы. Что скажешь?

— Не верю, что ты это говоришь серьезно. — Я замотала головой.

— Жанна, Фабиола — ловкая и дерзкая авантюристка, — просветил меня Гончий. — Корона для нее — лакомый кусочек. А то, что директор музея повсюду трубит о совершенной охранной системе, только распаляет ее азарт. Поверь мне, Фабиола здесь для того, чтобы ограбить музей. И она сделает это. Можешь в ней не сомневаться.

— Но на подготовку такого ограбления нужно время, — с недоверием возразила я. — В кино грабители готовятся не одну неделю, тщательно изучают систему охраны, ищут в ней уязвимые места, готовят маршрут отступления...

— Уверен, для Фабиолы это уже пройденный этап, — усмехнулся Вацлав. — Выставка открылась неделю назад. Спорим, она уже не впервые в Праге? Она разведала обстановку, съездила за необходимым оборудованием. Уж не знаю, добыла ли она все нужное в Париже или вернулась туда все-таки из-за своих кровных сестер, только теперь у нее есть все для того, чтобы осуществить свою затею.

— Но зачем ей идти в музей в рабочее время, если она там уже была? — не поняла я.

— Нужно же ей было убедиться, что за время ее отсутствия в системе охраны не произошло никаких изменений.

— Да она даже головы не поднимала! — возразила я.

— Это ты так думаешь, — отрезал Гончий и с ноткой восхищения в голосе заметил: — Фабиола — профессионал.

— Очень профессионально с ее стороны светиться на месте пре-

ступления! — язвительно отметила я. — Если внутри есть камеры, она на всех запечатлена.

— Думаю, она хорошо изучила расположение камер, чтобы не совершить этой ошибки. — Вацлав завел мотор и двинулся вслед за неприметной машиной Фабиолы. — Спорим, сейчас она объедет всю ограду по периметру?

Я не проронила ни слова, пока мы не сделали круг вдоль ограды, подтверждая гипотезу Вацлава.

— Ну что? — с мальчишеским самодовольством спросил он.

— Я не понимаю только одного, — сухо ответила я, — откуда ты ее так хорошо знаешь?

— Мы работали с ней одно время, — скупно сообщил Вацлав.

— Фабиола была Гончей? — Я в изумлении уставилась на него.

— Нет, она просто помогала нам в одном деле.

— Что за дело?

— Это неважно.

Проще узнать у светской львицы телефон ее стилиста, чем выяснить у Вацлава подробности знакомства с Фабиолой!

— И в каких вы были отношениях? — невинно поинтересовалась я. — Если ты так боишься показываться ей на глаза. Что, задолжал ей зарплату?

Вацлав ухмыльнулся:

— Не волнуйся, я расплатился с ней сполна. Финансовых претензий у нее ко мне быть не должно.

«А каких — должно?» — чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык.

Ясно же, что Вацлав никогда не расколется. К чему выставлять себя на посмешище?

Фабиола

Два года тому назад. Барселона

Закрытых дверей, запертых сейфов и нескрываемых замков для Фабиолы не существовало. Причин на то было три: ловкость рук, острота ума и редкая интуиция, которая ее никогда не подводила. Фабиола всегда знала, какой из замков поддастся, а какой даже не стоит пытаться взломать. Сорвет ли она куш или нарвется на большие неприятности — врожденная проницательность всегда подсказывала ей верный итог предприятия.

Правда, открывать замки приходилось по ночам, а в ночной Барселоне хватало опасностей для хрупкой юной девушки. Поэтому когда на темной улице ей перегородили дорогу три мужские фигуры, Фабиола недолго думая сиганула в арку ближайшего дома. Интуиция вопила: спасайся, неприятности! И Фабиола рванула со всех ног. Кроме

девичьей чести, она могла потерять и кое-что посущественнее: в ее потертом рюкзачке лежал бархатный футляр с бриллиантовым колье, который она только что выкрала из сейфа одного богатого сеньора. И надо же было именно сейчас натолкнуться на ночных хулиганов, вышедших на улицу в поисках развлечений!

Парни были настроены решительно: грохот их тяжелых ботинок за спиной недвусмысленно сообщал о погоне. Девушка метнулась к ближайшему подъезду, но входная дверь оказалась заперта кодовым замком. Подбирать пароль не было времени, и Фабиола бросилась к следующему подъезду. Здесь ей повезло больше: какой-то доброжелатель, да поможет ему Дева Мария, накорябал рядом с панелью замка четыре заветные цифры. Быстро набрав код, Фабиола потянула на себя тяжелую дверь и нырнула в сырое нутро подъезда, успев заметить, как во двор вбежали ее преследователи.

Фабиола с досадой чертыхнулась и припустила вверх по лестнице. Разумеется, они заметили, где она скрылась. Теперь им хватит минуты, чтобы найти записанный на двери код и войти внутрь. Появись они во дворе мгновением позже, она бы успела проскочить, и хулиганы, в растерянности повертев головами, покинули бы тихий дворик. А она бы выждала полчаса для верности и продолжила свой путь домой. Сейчас же парни еще больше распалились, почувствовали вкус погони и не оставят ее. По их представлению, она сама загнала себя в ловушку. Другого выхода из подъезда нет, значит, они настигнут ее здесь. Кричать и звать на помощь жителей и полицию в ее-то положении, с ворованным колье в рюкзачке, равносильно самоубийству. В конце концов, уж лучше потные руки хулиганов и несколько тошнотворных минут, чем тюремные нары и годы заключения. Впрочем, учитывая, какого человека она сегодня обворовала, до тюрьмы ей не дожить. У сеньора Б. в городе все схвачено, и уж он-то сам захочет разобраться с дерзкой девчонкой, посмевавшей вскрыть его сейф и украсть фамильные драгоценности...

Но у нее еще есть шанс спастись. Пока ее преследователи перебежали двор, выискивали надпись и набирали цифры на домофоне, Фабиола, припадая то к одной, то к другой двери, искала себе укрытие. Шансы на спасение таяли с каждой минутой. В поздний час все жители были дома. Из-за закрытых дверей доносились крики младенцев, ругань супругов, приглушенное бормотание телевизора.

Фабиола взбежала на площадку четвертого этажа, когда внизу грохнула дверь, впуская в подъезд ее преследователей. Времени на раздумья уже не оставалось. Быстро оглядев двери на площадке, она в отчаянии бросилась к одной из них. Припала ухом — из квартиры не доносилось ни звука. А может, их просто не было слышно из-за шагов, которые гремели по лестнице, с каждой секундой приближаясь к ней. Фабиола выдернула из заколотых волос шпильку-отмычку и просунула ее в замочную скважину. Волосы тяжелой волной упали на лоб и

плечи. Фабиола нервно сдула прядь со лба и провернула отмычку. Замок отозвался спасительным щелчком, и, навалившись на дверь, девушка попала внутрь. Шаги грохотали совсем близко. Фабиола быстро заперла замок и воровато оглянулась: квартира, в которую она проникла, выглядела темной и пустой. Небольшая студия: тесная прихожая ведет в гостиную с телевизором и большой кроватью. Разглядеть ее толком девушка не успела: на площадке послышались шаги, и ее преследователи остановились на этаже.

— Где она?

— Я уверен, она скрылась где-то здесь!

Стараясь не дышать, Фабиола прильнула к дверному глазку и чуть не вскрикнула. Один из преследователей, мрачный крепыш с низким лбом и глазами бульдога, смотрел прямо на нее. Точнее, на дверь, которая их разделяла. Двое других, как вороны, кружили по площадке, переходя от одной двери к другой. Всего на площадке было четыре квартиры. Но парень с бульдожьим взглядом, который был в тройке главным, каким-то особым нюхом опознал именно ту дверь, за которой скрылась она...

Фабиола еле слышно, как мышка, попятилась назад, словно боясь, что хулиган может почуять ее запах. Какие глупости! Здесь она в полной безопасности. Не будет же он взламывать дверь. Тем более он даже не уверен, что она скрылась за нею. Сердце колотилось как бешеное. Даже когда она подбирала код к сейфу сеньора Б., она так не волновалась. Все хорошо, мысленно успокаивала себя Фабиола, медленно отступая назад, я здесь в полной безопасности, в полной безопасности, в полной... Мысль напоролась на острие ножа, которое уткнулось в бешено колотящуюся жилку на шее.

— Ты кто такая? — прозвучал ледяной мужской голос за спиной. — И как ты сюда попала?

Сердце камнем ухнуло вниз. Она все-таки ошиблась в выборе квартиры. И еще как ошиблась! Интуиция, всегда срабатывавшая с сейфами, на этот раз дала осечку и привела ее напрямик в логово людоеда. Из огня да в полымя. Еще неизвестно, что хуже — вытерпеть глумливую ухмылку на лице крепыша с бульдожьим взглядом или взглянуть в глаза обладателю этого ледяного голоса. Судя по тону, незнакомец не просто не рад ей, он уже мысленно перерезал ей горло и похоронил в лесу под Барселоной. Если у нее и остался шанс выжить, то только сейчас, пока она еще не видела его лица и его глаз. После будет поздно. Живой ее незнакомец не выпустит.

— К стене! — Острие впилося в кожу, подталкивая вперед.

Фабиола повиновалась этому требовательному, неумолимому голосу: вжалась в стену, подняла руки, расставила ноги. Сильные ладони профессионально оцупали от макушки до кедров. Лезвие ножа мотыльком протанцевало по ее телу, выбило из пальцев зажатую шпильку.

— Они послали убийцу со шпилькой в руке? Забавно, — отрешенно прозвучал голос.

На площадке в это время послышалась возня. Хулиганы звонили в дверь соседней квартиры и требовали выпустить их сестренку, которая закапризничала и сбежала.

— Меня никто не посылал. Я убежала от них, — выдохнула Фабиола, не оборачиваясь. — Они погнались за мной, и я... я просто не знала, как спастись.

— Поэтому ты решила вскрыть первую попавшуюся квартиру и переждать здесь? Интересно.

Сердце Фабиолы продолжало бешено колотиться, а от голоса незнакомца, говорившего на ее родном языке с легким акцентом, ее окутало жаром.

С площадки донеслась раскатистая ругань. Потревоженный сосед обещал вызвать полицию, если хулиганы не угомонятся. Дверь хлопнула, Фабиола вся обратилась в слух. Замер и незнакомец, по-прежнему не отнимая ножа. Только теперь он держал его не у шеи Фабиолы, а упирал в бок.

Хулиганы потоптались, но не ушли. Дверной звонок прозвучал как выстрел. Фабиола испуганно дернулась, и острие ножа вспороло ветровку, полоснуло майку и вскользь прошло по коже. От боли девушка вскрикнула, а дверной звонок еще больше завибрировал, по двери заколотили кулаки.

— Открывай, сестренка! Мы знаем, ты здесь.

Незнакомец с досадой чертыхнулся, убрал нож и велел:

— Жди здесь.

Шаги босых мокрых ног застучали по полу, и Фабиола, зажимая рукой неглубокий порез на талии, обернулась. Незнакомец, державший ее на острие ножа, был гол. Спортивный торс с широкими плечами обнажен, а бедра обернуты баннным полотенцем. Судя по всему, в тот момент, когда Фабиола открывала замок, он принимал душ. А когда она вошла внутрь, он как раз закончил водные процедуры. Поэтому она не услышала шума воды, а он уловил шорох в комнате и не стал выдавать своего присутствия, застал ее врасплох, подкравшись со спины.

Мужчина положил руку на замок, и сердце Фабиолы ухнуло вниз. Что он делает? Он отдаст ее им? Ну конечно! Какое ему дело до девочки, которая пробралась в его квартиру! Это не его проблемы, а только ее.

Дверь открылась внутрь, и парень с бульдожьим взглядом, колотивший в нее все это время, по инерции влетел за порог.

— А, вот и ты, крошка! — Отыскав глазами Фабиолу, он удовлетворенно ухмыльнулся и подался к ней.

От его ухмылки Фабиолу резко затошнило, и она отступила к стене, чувствуя, как ее бьет дрожь.

Но дальше порога крепыш не попал: уткнулся в мощное плечо незнакомца.

— Амиго,— начал крепыш, поднимая глаза,— не лезь в это дело. Это наша сестричка, она...

Тут крепыш встретился взглядом с мужчиной, преградившим ему путь, и с его лица мигом стерлась мерзкая ухмылка, а от кожи отхлынула вся кровь. Он отпрянул за порог, к облегчению Фабиолы скрывшись из ее виду.

— Чтобы духу вашего здесь не было,— ровным тоном произнес мужчина. Казалось, его ничуть не смущает, что он стоит перед неизвестными парнями в одном полотенце и с голыми руками. По его поведению хозяина положения можно было подумать, что у него в руках как минимум пистолет, а как максимум — банда преданных головорезов за спиной.— И забудьте о девушке. Тронешь ее хоть пальцем — убью. Понял?

Из-за двери донесся сдавленный скулеж.

— Понял? — с нажимом повторил мужчина.

Фабиола не могла этого видеть, но она живо представила себе, как горбятся под властным взглядом незнакомца ее преследователи, как отводят глаза, не в силах его выдержать. Интересно, какого цвета у него глаза? Стальные, как лезвие ножа, которое пробороzdило ей бок? Угольно-черные, как темнота на дне глубокого колодца? Карие, как опаленное молнией дерево? Ей нельзя их видеть, никак нельзя, вспомнила она. Пока она не видела его лица, у нее еще есть шанс спастись, потом уже не будет.

Поздно.

Дверь с хлопком закрылась. Проехавший по двору автомобиль осветил силуэт мужчины, похожий на статую атланта у входа в поместье сеньора Б. Только этот атлант был живым и... мокрым. Вспышки фар выхватили из темноты густые темные волосы, влажные от воды, высокий лоб, упрямый подбородок, легкую щетину на лице. И Фабиолу вдруг покинул страх. Она любила красоту во всех ее проявлениях, будь то сияние бриллиантов, ограненных рукой гениального ювелира, как те, которые лежали сейчас в ее рюкзачке, валявшемся у стены, или брутальная красота мужского лица, на миг освещенного фарами авто. От рук такого мужчины и умереть не жалко.

Он что-то спросил у нее, но она не поняла.

— Что?

— Я тебя сильно задел? — повторил он, зажигая светильник у входа, и в невозмутимом спокойствии его низкого голоса завибрировала едва заметная нотка тревоги.

Фабиола отняла от раны мокрую ладонь. Та была в крови. В глазах помутилось, откуда-то сбоку метнулась темная тень. Подняла глаза — и споткнулась о взгляд мужчины. Цвета глаз и не разобрать — в нем

мечутся шаровые молнии, извергается ливнем грозовое небо и гремит гром. Из его плотно сжатых губ вылетает короткое слово.

— Что? — не понимает Фабиола.

Его ладони легли ей на плечи, сорвали куртку, задрали пропитавшуюся кровью майку.

— Ерунда. Царапина.— В голосе слышится облегчение.— Жить будешь. Иди.— Он подтолкнул ее к двери в ванную.— Приведи себя в порядок.

На ватных ногах Фабиола добралась до ванной, закрыла дверь на задвижку, без сил прислонилась к прохладному кафелю. Жить будет? Так он ее отпустит? Этот таинственный мужчина, который умеет подкрадываться как тень и обращает в бегство хулиганов одним своим взглядом? В чью же квартиру ей не повезло забраться? Это даже не мафиози Б., это боец высшего класса. Фабиола задрала майку, схватила чистое полотенце, лежащее у раковины, смочила его водой и обтерла кровавые подтеки. Порез получился неглубоким и уже не кровоточил. Незнакомец прав, волноваться не о чем...

Взгляд Фабиолы упал на корзину с бельем, с которой она взяла полотенце, и ее обдало как огнем. Внутри была смятая мокрая футболка. Абсолютно черная, но пятна на ней были не от воды и не от пота. Воровато оглянувшись на дверь, Фабиола наклонилась к корзине и вытащила влажную футболку. Пятна были липкими, а кончики пальцев запачкались алым. Кровь!.. В ушах застучали барабаны, к горлу подкатил комок тошноты. Футболка выскользнула из пальцев прямым в корзину.

Фабиола поспешно закрыла крышку, положила сверху полотенце и склонилась над раковиной, зачерпывая в ладони ледяную воду и умывая ею лицо. Кто же он, мужчина в комнате? Кровь не его. Она видела его обнаженное тело, и на нем не было ни царапины. Может, он киллер, только что вернувшийся с задания? Чепуха. Холодная вода действовала отрезвляюще, и Фабиола отвергла эту версию. Киллер убивает на расстоянии из снайперской винтовки. В крайнем случае расстреливает из пистолета в упор. Но ни в том, ни в другом случае одежду кровью не запачкаешь так, что ткань полностью пропитается. Быть может, он маньяк-убийца, разрезающий жертв на мелкие кусочки? Да нет, не могут у маньяка быть такие умные, пронизательные глаза... А что, если он агент ФБР? И только что вернулся из какой-нибудь перестрелки с преступниками? Это объясняет и его мгновенную реакцию, и владение собой, и то, как он обратил в бегство хулиганов. А на полу у входной двери лежит ее рюкзачок, а в нем кольцо стоимостью триста тысяч долларов! Надо срочно забрать его оттуда, пока он не увидел.

Фабиола метнулась к двери и застыла на пороге. Напротив ванной стояла кровать, а на кровати валялось в беспорядке содержимое ее

рюкзачка. Мужчина, уже успевший надеть джинсы, стоял у письменного стола и, включив лампу, разглядывал футляр с бриллиантами.

— А ты не так проста, как кажешься. — Он поднял на нее глаза. — Да, сеньорита?

Фабиола испуганно слотнула. В глазах, цвета которых она так и не смогла разобрать, сейчас извергалась вулканическая лава и полыхал пожар, приравниваемый к стихийному бедствию. Она пропала.

— Не бойся, я не агент ФБР, — усмехнулся он, словно читая ее мысли. — И мне нет никакого дела до того, у кого ты украла эти драгоценности. Ведь эти парни преследовали тебя не из-за них?

Фабиола замотала головой.

— Я так и думал.

Он закрыл футляр и кинул его ей. Фабиола механически поймала.

— Хорошая реакция, — похвалил он и равнодушно добавил: — Что ж, ты можешь идти.

Фабиола не двинулась с места. Он понял ее замешательство по-своему.

— Этих парней можешь не бояться. Они тебя не тронут.

В комнате повисла томительная тишина. Незнакомец выжидающе смотрел на Фабиолу, та беззастенчиво разглядывала его. Несмотря на свои девятнадцать лет, Фабиола имела немалый опыт в отношениях с мужчинами. У нее были мелкие жулики и виртуозные авантюристы, которые научили ее своему мастерству, заносчивые банкиры и скучные дельцы, впоследствии становившиеся ее жертвами. Был даже один напыщенный граф, который страшно гордился своими фамильными драгоценностями. И, к чести Фабиолы, надо сказать, что коллекция эта на момент расставания с графом, оказавшимся редким занудой и скупердяем, значительно поредела. Иногда Фабиола влюблялась — страстно и «на всю жизнь». Обычно этот период не длился больше двух недель. Но это время было ослепительным фейерверком, извержением вулкана, ярким веселым карнавалом, а ее избранниками становились молодые амбициозные артисты, неизвестные музыканты, непризнанные художники. Всех их объединяло одно — внутри их полыхал костер, такой же, как в душе у самой Фабиолы. Но такого мужчины, что стоял перед ней сейчас (сильного, смелого, властного и смертельно опасного, в глазах которого полыхает не просто костер — целый пожар), у нее не было никогда. И не будет никогда впредь. Есть только эта ночь и этот шанс почувствовать, каково это, когда два пожара сходятся вместе.

— А если я не хочу... идти? — надтреснутым голосом спросила она.

Пожар в глазах мужчины вспыхнул так ярко, что Фабиола на миг испугалась, что он выплеснется наружу и сожжет и эту комнату, и весь этот дом, и целый квартал вокруг.

— Что ж, — он усмехнулся, — тогда ты можешь остаться.

Они шагнули друг к другу одновременно, столкнулись, словно вы-

брошенные на берег волной, и, чуть коснувшись руками, отпрянули в стороны. Прикосновение пальцев взорвалось молнией. Неловко улыбнулись друг другу — разве могло быть иначе? Он погладил ее по щеке. Эта скупая ласка скользнула по коже огненной саламандрой и, казалось, навсегда впечаталась в нее, оставив след. Но это уже было неважно. Фабиола согласилась бы сгореть в инквизиторском костре наутро, лишь бы только провести эту ночь с ним. Эта ночь будет вспышкой молнии, ударом грома, столкновением стихий, которое непременно обернется ураганом.

А глаза у него серые, успела заметить Фабиола, прежде чем нырнуть в пожар его ищущих губ. Серые, как пепел над Помпеями.

Вечерняя Прага завораживала блеском огней. Цепочки уличных фонарей были похожи на драгоценные ожерелья. Подсвеченные фасады самых красивых зданий и храмов было видно издалека. Их светлые силуэты выступали из мрака сказочными дворцами, на устремленных ввысь верхушках трепетали крошечные огоньки, и казалось, что на шпильки нанизаны звезды. Деревья вдоль оживленных улиц были наряжены в искрящиеся гирлянды, и можно было представить, что на ветвях, припорошенных снегом, расположились тысячи светлячков.

Ночной наряд современной Праги произвел впечатление и на Вацлава. Он признался, что во времена его молодости город был освещен лишь тусклыми уличными фонарями.

Мы ехали вслед за Фабиолой мимо зазывно светящихся окон ресторанов и завораживающих витрин модных магазинов. Беззаботные туристы сновали по улочкам, то заходя в сувенирную лавку, то соблазняясь на кружечку знаменитого чешского пива в одной из пивных. Мимо одной из них, «У Флеку», мы как раз проезжали. И я заметила, как Вацлав на миг отвлекся от дороги, повернув голову и рассматривая двухэтажное желтое здание, довольно неказистое в сравнении с живописными пражскими домами, но выглядевшее старинным. Любопытно, что его могло заинтересовать? Таким взглядом обычно рассматривают памятные места прошлого. Но мне было трудно представить Вацлава, пропускающего кружку пива в подобном заведении. Хотя сама я бы не отказалась сейчас заскочить внутрь. К пиву я равнодушна, но побывать в Праге и не отведать знаменитого чешского пива — большое упущение.

У входа стояла веселая толпа туристов, до меня донеслась громкая русская речь. Счастливые! Им не надо никого выслеживать, они приехали в Прагу отдыхать. Когда мы поравнялись с входом, оттуда как раз вывалилась компания изрядно захмелевших приятелей, и Вацлав раз что шею не свернул, словно пытался заглянуть внутрь пивной.

— Знакомые места? — поддразнила я его.

Реакция Гончого меня ошеломила: он вздрогнул, словно я уличила

его в чем-то постыдном, и, пробормотав что-то невразумительное, уставился на дорогу, демонстрируя полное безразличие к пивной.

«У Флеку» осталась позади, и вскоре мы свернули на улицу, ведущую к нашему отелю. Фабиола припарковалась первой, оставив машину неподалеку от входа. Когда она скрылась за дверями отеля, я шевельнулась, собираясь выйти, но Вацлав неожиданно удержал меня за плечо:

— Мы останемся здесь.

— Что, даже не поужинаем? — Я недовольно нахмурилась.

— Я уверен, Фабиола скоро появится. Она сделает это сегодня ночью.

— Почему ты так уверен? Она тебе записку написала?

— Просто я ее знаю. Она не любит ждать.

И все, больше никаких дополнений и объяснений.

Что ж, я угрюмо отвернулась к окну: все равно все узнаю. Не люблю неопределенности.

Мы прождали почти три часа. Фабиола чудесно, наверное, успела провести время в ресторане и распробовать все имеющиеся в наличии кнедлики. Я вся извелась от скуки в отсутствие «Космополитана», телевизора и ноутбука с выходом в Интернет, который остался в номере. Кажется, я успела выучить наизусть все завитушки фасада дома, у которого мы припарковались, и умирала от голода, но не показывала своего раздражения. Во многом потому, что сам Вацлав был спокоен, как пульс покойника. Только неотрывно смотрел на входные двери отеля, чтобы не упустить появления Фабиолы. Похоже, ситуация была для него будничной и за долгие годы работы Гончим он привык к длительной слежке, которая меня уже сводила с ума. Не добавляла безмятежности и близость Вацлава, которая искушала, заставляла кровь шампанским бурлить в венах и будила во мне нескромные желания... Вспомнилось, как он поцеловал меня в подвале, где меня держали парижские Гончие. Что это было? Признание? Или утешение? Или глупость, за которую он винит себя? Ненавижу неопределенность. Не могу больше делать вид, что все забыла. Хочу выяснить все сейчас.

И вот уже, поддавшись этому искушению, я стремительно повернулась к Вацлаву. Подалась к нему всем телом, стремительно сокращая расстояние между нами. Зрачки Вацлава расширились, а глаза сделались совсем черными, как в ту ночь в парижском подземелье, когда он меня впервые поцеловал. Это придало мне смелости, и я кинулась в поцелуй, как в море с разбега. Наши губы встретились на короткий миг, и меня захлестнуло волной желания. Соприкосновения губ было слишком мало. Хотелось обнять его всего, сплестись с ним всем телом. Продолжая целовать, я прижалась к нему грудью, коснулась щеки Вацлава ладонью, укололась о щетину и обожглась, внезапно осознав, что не чувствую ответной ласки... Я отшатнулась, и меня

словно выбросило на берег сильной волной, больно приложив о камни и оглушив.

Я вынырнула из этого поцелуя, чувствуя себя коварной русалкой, влекущей на дно доброго молодца.

Вацлав ошарашенно смотрел на меня, его губы наливались краской от моего страстного поцелуя, а мои щеки запылали от стыда. Что я натворила? Что себе навоображала? Зачем все усложнила? И как теперь смотреть в глаза Вацлаву, который не знает, куда деться от моей внезапной вспышки страсти?

— Извини,— сдавленно пробормотала я, отстраняясь,— не знаю, что на меня нашло...

Но он не дал мне сбежать, не дал договорить свои нелепые извинения. Порывисто наклонившись ко мне, вжал меня в спинку сиденья и припал ко мне жадным ртом. Его руки нырнули под курточку, до боли стискивая ребра, так что мне стало нечем дышать, а поцелуй неистовым пожаром жег губы, словно стремясь выплеснуть весь огонь, который полыхал в сердце Вацлава и о котором я даже не подозревала. Поцелуй не был нежным, это была ласка на грани боли, которая рождала стон. И я впервые в жизни поняла, что страсть, которая обжигает, это не просто слова. А пальцы Вацлава тем временем ловко освободили мои волосы от краба и нежно разворошили их, распустив по плечам. Не прерывая поцелуя, Вацлав обхватил меня за шею, нащупал застежку молнии на куртке. Его руки ловко освободили меня от куртки, пробрались под свитер, заставляя меня задыхаться от желания, шептать его имя и самой выгибаться навстречу его нетерпеливым пальцам, уже добравшимся до молнии джинсов. И нам было уже наплевать на прохожих, которые куда-то спешили по своим делам, и на Фабиолу, которая собиралась ограбить самый охраняемый музей Праги...

— Жанна, Жанна!

Кто-то тряхнул меня за плечо, и я открыла глаза. Надо мной склонился Вацлав, и я невольно подалась к нему, желая продолжения прерванной ласки, но осеклась при виде его настороженного взгляда.

— Кошмар приснился? — сочувствующе спросил он. — Ты стонала во сне.

С меня мигом слетели остатки сладкой дремоты. Вспыхнув, я откинулась на кресле, радуясь тому, что в сумерках мои стыдливо заалевшие щеки не видны. И особенно тому, что мои страстные стоны Вацлав списал на счет кошмара. Хотя он слишком воспитан для того, чтобы поржать над тем, что мне приснился эротический сон. Наяву я вся продолжала гореть от тех ласк, которые мне привиделись, и хотелось прижаться лицом к холодному стеклу, чтобы снять этот жар.

— Долго я спала? — сконфуженно пробормотала я.

Вацлав пожал плечами. Понятно, ответа от него не добьешься. Надеюсь, что во сне я не выгибалась дугой и не шептала его имя. Стыд-то

какой! Я глянула на наручные часики. Ничего себе! Уже четверть первого!

— Тебе не кажется, что Фабиола уже не... — начала я, желая убедить его в тщетности слезки и уговорить отправиться в отель, чтобы нормально выспаться.

Но Вацлав перебил меня:

— А вот и она!

Действительно, из дверей отеля выпорхнула гибкая черная фигурка и уверенно направилась к припаркованной машине.

— Пристегнись! — коротко бросил Вацлав, заводя мотор. — Начинается самое интересное.

Фабиола

Год назад. Корсика

Все оказалось даже проще, чем она рассчитывала. Музей она знала как свои пять пальцев, но навороченная система охраны внушала опасения в успехе мероприятия. Однако ее маленькая сообщница, белая мышка, купленная в зоомагазине, помогла обойти и эту преграду. После того как машины полиции четырежды срывались на зов сигнализации, систему было решено отключить. Четыре храбрых офицера заняли пост у витрины с легендарным красным алмазом, не подозревая о том, что за стеклом уже лежит подделка. А Фабиола, скрывшаяся в вентиляционном люке, смогла спокойно покинуть музей через служебный вход.

Выбравшись за ограду, она перекинула рюкзачок через плечо и весело зашагала налево по переулку. Пойди она направо, уперлась бы в фонтан на площади перед музеем. Налево же ее ждала тихая улочка со спящим жилым кварталом, где в такое время не было видно ни души. Что может быть лучше для девушки, которая мечтает остаться невидимкой?

Все складывалось самым замечательным образом. Интуиция не подвела и на этот раз. Вот только какой-то идиот перегородил выход из переулка своей пижонской тачкой. Такая же была у ее недавнего приятеля Винченцо, на память о романе с которым она, без ведома того, оставила себе картину одного знаменитого художника. Винченцо все равно не имел ни малейшего представления о ее истинной ценности: он повесил «мазню» у входа в туалет и в конечном счете погубил бы произведение искусства. Можно сказать, что Фабиола спасла творение мастера. В ее руках полотно задержалось недолго, и она безо всяких сожалений продала его страстному ценителю живописи, отвалившему за нее целое состояние. Сорвав такой куш, Фабиола могла бы на несколько лет осесть в домике на берегу Таиланда и ни о чем не думать. Но, когда она уже выбирала себе один из многочисленных

тайских островов, колеблясь между Краби, Самуи и Чангом, в новостях передали, что в корсиканский музей везут легендарный алмаз «Красная принцесса», известный своим редким рубиново-красным цветом. Фабиола прильнула к голубому экрану, на котором директор музея соловьем разливался о суперсовременной охранной системе, взломать которую не под силу никому на свете. Ох зря он это сказал! Райские острова Таиланда тут же отошли на второй план, а в глазах Фабиолы загорелся азарт. Захотелось во что бы то ни стало доказать прилизанному франтику, что он глубоко ошибается. Впрочем, ему это позволительно. Он же не знает, что перед ней, Фабиолой, нет закрытых дверей. Еще не знает.

И вот сейчас, неся в рюкзачке знаменитый алмаз и чувствуя, как за плечами разворачиваются крылья, Фабиола уже предвкушала, как наутро купит билеты в Бангкок. Сегодняшний трофей она пока прячет от всего мира в своем укромном сейфе. Для камня с пятивековой историей пара-тройка лет ничего не значит. А когда страсти вокруг кражи поутихнут, тогда-то она и подыщет алмазу нового владельца. Пока же она уходит на длительные каникулы и оставит авантурные приключения ради безмятежного валяния на пляже. А остров можно выбрать и по прибытии. В конце концов, у нее впереди вся жизнь, чтобы объехать все острова Таиланда.

Все было хорошо, все было просто замечательно. Если бы еще не этот придурак, перегородивший выход из улочки. Ну да ничего! Если надо будет, она взберется на крышу крутой тачки, станцует на ней победную тарантеллу и продолжит свой путь.

Фабиола была уже в трех шагах от машины, когда внезапно сбоку раздался щелчок зажигалки, и сноп искр осветил лицо прислонившегося к стене человека. На миг Фабиола остоленела, убежденная, что это засада и ее поймали с поличным. Сердце пропустило удар, сжавшись в предчувствии катастрофы. Но мужчина не выглядел как полицейский. Он был одет в дорогой костюм, на запястье блеснул настоящий «Ролекс», да и стрижка была слишком безупречной, а лицо — аристократичным, чтобы принадлежать тупому копу. Успокоившись, Фабиола призывно улыбнулась. Незнакомец вполне мог принести дополнительные дивиденды в ее золотой запас, да и собой он был весьма хорош в отличие от ее последнего любовника, банкира с рыхлым пивным животиком и лошадиной челюстью, единственным достоинством которого был набитый золотыми слитками сейф.

Мужчина по-прежнему держал зажигалку горячей, но не пытался прикурить, а только молча разглядывал Фабиолу жадным, голодным взглядом. Этот взгляд окончательно убедил девушку в том, что перед ней не переодетый коп. Так смотрят не на подозреваемую, не на преступницу, не на воровку, так смотрят на красивую и желанную женщину.

— Иди сюда,— тихо позвал он ее по-французски, затушив зажигалку, и она порывисто шагнула в тень, повинувшись его зовущему взгляду.

От него пахло дорогими духами, красивой жизнью и счастьем. Фабиола никогда не задумывалась, как пахнет счастье, но теперь она впервые ощутила его аромат — тягучий, сладкий, пьянящий. Он властно притянул ее к себе, и его руки на удивление равнодушно скользнули по ее обтянутым джинсами крутым бедрам и упругой груди под тонкой тканью майки. Зато они надолго задержались на шее, лаская ее так, словно она была нежнейшим шелком, и Фабиола чуть не замурлыкала от удовольствия, доверившись этим сильным ласковым пальцам. Мужчина наклонился к ней, и по ее шее затанцевал холодок его мятного дыхания. Захотелось поймать его губами, вдохнуть всей грудью, но, когда она потянулась к нему с поцелуем, незнакомец мягко отвернулся, продолжив выписывать морозные узоры на ее шее. Что ж, если ему так нравится...

Фабиола совершенно разомлела от его утонченных ласк. Рюкзачок с драгоценным камнем выпал из дрожащих пальцев, тело льнуло к мужчине, моля о любви. Внезапно мятное дыхание стусилось до холода металла и кольнуло кожу сталью, вернув в тот далекий, но такой памятный вечер, когда она, удирая от хулиганов, попала в квартиру мужчины с пожаром в глазах. Скосив глаза, Фабиола увидела представленное к горлу острие кинжала.

— Что ты делаешь? — пролепетала она, от страха переходя на родной язык.

— Заткнись,— прорычал мужчина уже по-испански и по-звериному оскалился.

Маньяк, в панике поняла Фабиола. Он ее сейчас прирежет, этот стильный холеный красавец в дорогом пиджаке от Армани, и глазом не моргнет. И не будет уже ни закатов на морском берегу, ни шепота волн, ни гамака между пальмами, ни сока из кокоса...

— Послушай,— горячо зашептала она,— отпусти меня. В моем рюкзаке алмаз ценой в целое состояние. За него можно выручить больше миллиона!

— Заткнись! — повторил он, и лезвие прочертило кожу Фабиолы. От вида крови глаза его сделались совершенно безумными, он припал к ее шее и жадно втянул рану губами. В тишине спящего квартала послышалось алчное лакание. У Фабиолы подкосились ноги, когда она поняла, что он пьет ее кровь. Маньяк, убийца, кровосос...

Внезапно он оторвался от нее и повернул голову. Со стороны музея сквозь грохот барабанов в ушах до Фабиолы донесся вой сирен. Сквозь сумрак беспамятства где-то вдалеке промелькнули сигнальные огни.

— Что за черт? — раздраженно выругался убийца.

— Это алмаз,— полубоморочно прошептала Фабиола,— я выкрала его из музея. Наверное, пропажу обнаружили.

— Ты выкрала из музея «Красную принцессу»? — Он так и впился в нее глазами.

— Ну да.— Она торопливо кивнула на рюкзачок у ног.— Он там. Забирай его, только не трогай меня.

— Пошли! — Он с силой схватил ее за руку, поднял с земли рюкзак и поволок ее к машине.— Надо отсюда сматываться.

— Пожалуйста, оставь меня,— взмолилась Фабиола.

— Ты хочешь, чтобы тебя здесь обнаружила полиция?

Фабиола беспомощно обвисла в его руках. Ею овладела такая слабость, что сама она и шагу ступить не могла. Что будет, когда представители полиции обнаружат ее здесь с набором отмычек на поясе? И как быстро они выяснят, что ее разыскивает Интерпол за кражу одной из картин Дали?

— Не бойся.— Маньяк втолкнул ее в салон машины.— Я тебя больше не трону. Но за это ты расскажешь мне, как тебе удалось взломать самый охраняемый на сегодня музей Франции. Как тебя зовут, гениальная крошка?

— Фабиола...

— А я Жан. И сдается мне, Фабиола, мы с тобой встретились не случайно. Ты еще поблагодаришь судьбу за это!

Машина резко тронулась с места, но у Фабиолы уже не было сил возразить убийце — ночь навалилась на нее всей своей тяжестью.

Спустя два месяца вампиры чествовали свою новую сестру. Жан оказался прав — встреча с ним оказалась судьбоносной.

Фабиола пришла в себя в люксе роскошного отеля и до утра, как Шахерезада грозного шаха, услаждала слух недавнего убийцы историями из своей жизни. Жан пришел в восторг, восклицал, что она просто самородок и находка для них. В существование «их» Фабиола верить не хотела, но пришлось. Еще не зажила ранка на шее, из которой пару часов назад пил кровь ее собеседник.

Особенно он воодушевился, когда Фабиола поведала ему о своей интуиции, которая всегда подсказывала ей, за какие дела стоит браться, а за какие нет, и стойко оберегала ее от неприятностей: не раз спасала от полиции и дала сбежать прямо из-под носа Интерпола.

— Ну-ка, ну-ка.— Глаза вампира зажглись живым интересом.— И как давно у тебя проявилась эта интуиция? Вспомни, не связано ли это с какой-нибудь серебряной вещицей, которую ты себе присвоила, украв из музея или личной коллекции?

— Интуиция у меня с рождения,— оскорбленно возразила она.— А за серебром я никогда не гонялась. Мне больше по душе золото и драгоценные камни.

— Может, у тебя с рождения есть какая-то памятная вещица, доставшаяся от родителей? — не отступал Жан.— Серебряная монетка,

серебряное кольцо, серебряный крестик? — Он жадным взглядом просканировал ее руки и задержался на шее.

Фабиола машинально натянула ворот футболки до подбородка, в панике глядя на вампира. При ярком свете он уже не казался таким неотразимым, как в сумраке переулка. Дорогая золоченая люстра с двенадцатью хрустальными рожками беспощадно высветила болезненные тени под глазами, как будто кровосос годами терзался бессонницей, а сухая бледная кожа вампира была похожа на пергамент, как у той старинной карты сокровищ, которую ей однажды довелось подержать в руках. Впрочем, черты лица его были довольно правильными и утонченными, если не считать тяжеловатого подбородка, придававшего ему хищный вид.

— Да ладно, — расхохотался он, — не бойся. Твоя кровь меня больше не интересует. Хотя она у тебя и сладкая...

Фабиолу передернуло.

— Привыкай, малышка. — Он насмешливо сощурился. — Ты ведь скоро станешь одной из нас.

— Никогда, — поежилась Фабиола.

— Станешь, — убежденно произнес Жан. — Куда ты денешься?

От его категоричности у нее мороз по коже пошел.

— Так, значит, нет у тебя никакого талисмана из серебра? — с разочарованием уточнил вампир. — А я-то уж решил, что одна из Серебряных Слез у тебя.

— А что это — Серебряные Слезы?

Вампир заговорил о них с таким почтением, что в душе Фабиолы зажегся профессиональный интерес.

— Я думаю, ты скоро сама их увидишь. И сможешь мне достать парочку из них, которые охраняются ничуть не хуже, чем тот алмаз, который ты сегодня увела из-под носа моего старого приятеля Луи. Ах, как он мне на днях хвалился, что его музей неуязвим для воров.

— Директор музея — твой друг? — обомлела Фабиола.

— Не робей, малышка. — Вампир весело подмигнул ей. — Мы дружны не до такой степени, чтобы я выдал ему такое сокровище, как ты. Так что, сможешь мне добыть пару серебряных безделушек?

Фабиола с готовностью кивнула. Как же тут не помочь? А то ведь он и передумать может и сдаст ее своему другу Луи.

— Вот и умница. — Жан потрепал ее по плечу. — Будешь себя хорошо вести, я помогу тебе войти в наш круг. Обладательница интуиции, достойной Великого Лорда, не может влачить жалкое человеческое существование.

Ничего себе жалкое существование, мысленно возмутилась Фабиола. Да о жизни таких, как она, снимают кино и пишут книги. А она живет этой жизнью, полной опасностей, адреналина и захватывающих дух приключений.

Жан, как будто читал ее мысли, усмехнулся и сказал:

— Поверь мне, малышка, я знаю, о чем говорю. Тебя ждет еще более яркая и захватывающая жизнь в кругу лучших из лучших. — И добавил: — Ты сама Слеза Интуиции во плоти. Можно подумать, что по твоим жилам течет расплавленное серебро из Чаши Лорда.

Фабиола легко дала уговорить себя. Жан был весьма убедителен и вкрадчиво искусителен. Он надавил на ее больное место, и она признала его правоту. Век авантюристки недолог. Сейчас, пока ее тело гибко, суставы подвижны и реакция мгновенна, ей по силам любые дерзкие ограбления. Но потом тело начнет давать сбой, и тогда ей останется только разводить на деньги богатых папиков или выбрать из них наименее отвратительного и наиболее щедрого и заделаться достопочтенной сеньорой. У Фабиолы уже сейчас скулы сводило от скуки. Она твердо знала: такая жизнь не для нее. Уж лучше пусть ее скрутит радикулит в двух шагах от вскрытой витрины с очередным алмазом и полиция поймает ее с поличным, а газетчики соловьем разольются о старухе-преступнице, чем она станет прозябать с постылым мужем и кучей докучливых родственников! Она любила удовольствия и азарт, риск и опасность, безумие ночей и огонь в крови — все то, что может предложить только разгульная молодость.

Жан предложил ей то, о чем она могла только мечтать: авантюру длиной на века, вечную молодость и вечный адреналин. Затею Жана обвести Совет старейшин вокруг пальца она тоже восприняла как приключение. Не задумываясь особо над тем, зачем ему это нужно, Фабиола согласилась, что ее кровным донором станет Жан, но для всех это останется тайной и ее официальным наставником будет считаться совсем другой вампир. Она не знала, как Жан провернул эту аферу, но восхищалась его талантом. Ее официальный донор при встрече тепло обнимал ее и, похоже, на полном серьезе считал своей приемницей.

Фабиола все собиралась выпытать у француза, как ему это удалось, но не успела — пришло известие о гибели Жана, тот не поделил что-то с московскими Гончими. Убиваться Фабиола не стала, но вылакала бутылку крови, запечатанной сургучом, которую ей подарил Жан, когда они обменялись кровью. Памятный подарок обернулся сильным отравлением, а когда Фабиола пришла в себя в отдельной палате вампирской клиники, на столике у изголовья лежал конверт, отправленный на ее имя. Последний привет от Жана.

По плану Вацлава мы должны были перехватить Фабиолу, когда она будет возвращаться с украденными драгоценностями. Вацлав объяснил, что кража из музея — преступление и по человеческим и по вампирским законам. Угроза разоблачения и передачи Гончим развяжет воровке язык, и она расскажет нам все, что знает, в обмен на наше молчание.

ХРОНИКИ РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

О трилогии Юлии Набоковой «VIP значит вампир»

Тема вампирского гламура, безусловно, является определяющей для значительной части столичной, и далеко не только столичной, общности, но в последнее время она несправедливо отошла на задний план в связи с разными событиями, хотя еще год назад она была у всех на устах, и теперь понятно, кому мы были этим обязаны. Впрочем, сначала я хочу поговорить не о гламуре, а о пользе вампиризма для эффективного государственного управления, поскольку этот вопрос сейчас стоит особенно остро. От многих авторитетных людей можно слышать, что в стране не работает система социальных лифтов, замененная коррумпированностью и круговой порукой. Вампиризм — едва ли не идеальное решение этой проблемы. Вампиры практически не подвержены материальной коррупции, а инициация плюс личная инициатива сразу переносит энергичного вампира в средние и высшие эшелоны государственной власти. Мне могут возразить, что вампиров ничтожно мало по сравнению с людьми, но это слабый аргумент. Хорошо известно, что лишь пятнадцать — двадцать процентов населения обладают экономической инициативой, и только около пяти процентов имеют какие-то политические амбиции. Возьмите любую развитую страну, и вы увидите, что все важнейшие решения принимает круг из нескольких десятков людей, которые делегируют часть своих полномочий следующему звену. Для вампиров, с их четкой организацией и дисциплиной, это не представляет проблемы. Далее, вампиров нельзя заподозрить в национализме, религиозном фанатизме и прочих многочисленных слабостях, присущих обычным людям. Выборы под контролем вампиров будут честными выборами, а тот, кто попытается мухлевать, съест не только свою бороду или галстук, но и жизненно важные части тела. И так далее — социологи и политологи без труда сумеют развить эту мысль. Я же, высказав свое частное мнение, перейду к содержанию трилогии.

В первой книге, где мы знакомимся с главной героиней, безусловно, преобладает детективная интрига, развитие которой навеивает ностальгические воспоминания о десяти негритятах и английской королеве жанра, обыгравшей сюжет детской песенки. Главная загадка, как и в любом детективе, — это мотив преступления, поэтому крепче дер-

житесь за стулья, потому что он в любом случае не оправдает ваши ожидания. А в чем он заключается, я, конечно, не скажу — это же не сочинение на тему «Преступления и наказания».

Первая книга в некотором смысле представляет собой полную антитезу «Распознаванию образов» Гибсона, где главным героем является стиль-разведчица, у которой... хм, скажем так, популярные бренды вроде «Гуччи», «Прада» и «Живанши» вызывают не то чтобы отвращение, а сильную аллергическую реакцию. С другой стороны, роман Гибсона — апофеоз высокой моды от литературы, а кто им нынче доверяет, этим кутюрье? В их шинельках, поди, и солдаты замерзают. Гораздо интереснее наблюдать за чувствами, которыми новообретенное вампирство наделяет его новых представителей. У женщин, насколько можно понять, общая чувствительность к сенсорным сигналам значительно возрастает после периода обращения (или речь идет только о некоторых из них?). «Его движения подобны морской волне — накатывают, ласкают, взрываются брызгами на коже, укутывают невесомым кружевом. Только в отличие от воды они не освежают, а бросают в жар. Тот, кто утверждает, что у вампиров ледяные пальцы, никогда не был в объятиях влюбленного вампира. Их страсть обжигает, как тропическое солнце, и растекается теплом по коже, как нагревшееся масло для загара». Это про Глеба, защитника и утешителя номер один, который по совместительству приставлен наблюдать, как бы чего не случилось. Ах, сами мы обманываться рады. Тем временем неуловимый убийца вершит свои кровавые дела. София, Индира, Виктория, Мэй, Беата, Эльза и несколько вампирских экземпляров мужского пола попадают под каток безжалостного вампирского правосудия, едва успев поведать свои истории.

Огорчает одно — реакции красавцев-вампиров на влюбленность. Не в смысле помутнения сознания, в конце концов, это состояние знакомо и низшим существам, а в контексте последующих рефлексий, свойственных скорее подросткам-старшеклассникам, но не мужчинам в расцвете сил девятилетнего, а то и стопятидесятилетнего возраста. Казалось бы, хватило времени перебеситься, или фильм «Горец» покоя не дает? Но ведь там тоже ясный посыл: чем дальше, тем хуже. Одним словом, создается впечатление, что вампиры вымерли бы с горя, если бы мода на них вдруг прошла. Остается только взять на себя роль законодателей моды.

Вторая книга трилогии как раз и посвящена этому. Если первая представляет собой детектив с героическим финалом и обещанием бесчисленных благ в будущем, то вторая начинается как плутовской роман с многочисленными отсылками к историям новых действующих лиц — разумеется, женщин, которым Жан привил свой вирус вечной неудовлетворенности, как он это сделал с Жанной в конце своей карьеры. Читать их вполне интересно. В основе лежит загадка, оставленная древним вампиром, которая может быть разгадана лишь

при взаимодействии всех обладательниц его крови, не слишком уважающих друг друга, которые бы с удовольствием грохнули соперниц, если бы смогли выйти сухими из воды. В целом ситуация напоминает эпическое модное соперничество из фильма «Смерть ей к лицу», только без ученого-разгильдяя в лице Брюса Уиллиса, который все время роняет пузырек с эликсиром в самый нужный момент. Жанна остается в роли скромняшки-наблюдательницы, не подозревающей, насколько хрупким может оказаться ее возвышенное положение перед лицом европейской элиты вампиров. Уязвимость перед коварной мужской красотой снова играет с ней плохую шутку. «Андрей ничего не ответил, лишь сильнее крутанул в танце, и море в ушах достигло масштабов цунами, пальцы вцепились в его ладонь, как в спасательный круг, и я вдруг отчетливо поняла: без этого мужчины я умру, рядом с ним — утону». Но даже столкнувшись с ужасными методами ментального вампирского воздействия, простая русская душа дает ответ «подите все на...», на что остальные могут лишь ошеломленно хлопнуть глазами и лепетать что-нибудь вроде *c'est terrible*¹ или (особо одаренные) *no pain, no gain*². В результате ее влияние лишь возрастает, так что трепещите, старшие, со своими крикетными полями и нефтяными контрактами!

Я умышленно отстраняюсь от следования сюжету и упоминания основных событий из опасения, что можно выдать что-то важное. Третья книга является продолжением второй в том смысле, что история о развитии вампирского заговора наследниц Жана получает продолжение, а у Жанны складываются какие-никакие отношения с несчастным суперменом Вацлавом (насколько можно понять, истребление близких родственников является главным критерием отбора в орден Гончих) и появляются нехилые способности к общению с призраками, что, в общем, тоже помогает. Жизнь носит ее между Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и Москвой — довольно привычный маршрут для странных существ самой разной принадлежности — и помогает понять закономерности поведения невольных подруг по крови, которые даже в лучших своих проявлениях редко блещут интеллектуальными способностями. Тем более они начинают погибать одна за другой, что как бы намекает на общую злую волю и возвращает героиню к былому кошмару. Только Вацлав... «На мгновение я оцепенела от этой внезапной близости, от этой затопившей голос нежности. Мое тело прижалось к Вацлаву, желая слиться с ним в единое целое. Мои ноздри жадно глотали его запах, как умирающий от жажды — воду, и никак не могли напиться досыта. Мои губы запылали пожаром, который может погасить только поцелуй». Oh, yess. Где те переводные романы, которые выходили миллионными тиражами в

¹ это ужасно (фр.).

² без боли нет награды (англ.).

начале 1990-х, где Ширли Конран и Жаклин Сюзан? Сгинули в небытие, потому что там не было вампиров, а если и были, то дурачки, а тут самые настоящие. Берегитесь, девчонки.

Нельзя сказать, что главная героиня не претерпевает никаких изменений от одной книги к другой. Нет, она растет и взрослеет, развивается, и даже ее вкусы изменяются от традиционных к более прогрессивным (читательницы могут сами провести анализ вкусовых предпочтений на основе упоминаемых брендов). В конце концов, она теперь принадлежит к древнейшему братству на нашей планете, а это законный повод для квалифицированного шопинга. Даже по аккадским и шумерским клинописным табличкам можно определить сдвиг потребительских предпочтений от невыделанных бараньих шкур к косматому багрянцу, достигаемому с помощью экстракта выделений одного средиземноморского моллюска. В этом смысле ничто не ново под луной, и замена золотых брусочков кредитными карточками ничего не значит. Что же остается в сухом остатке?

Наверное, какие-то более или менее человеческие отношения, что ни говори, отмеченные христианской традицией. Когда мы говорим о добре и зле (а тем более об их противостоянии), то как бы забываем, что эта тема появилась вместе с христианством. Антагонизм Гора и Сета в египетской мифологии, борьба богов с титанами в греческих мифах — все это не было борьбой добра и зла, которой не существует в природе, лишенной какого-либо нравственного начала в человеческом понимании. Древние верили в высшие силы, приписывали им враждебные или дружелюбные качества и множество умственных способностей, но среди них не было изначально добрых или злых существ — наоборот, совершавшие «злые» поступки потом с лихвой искупали их своей «добротой». На самом деле им было наплевать и на то, и на другое. В некотором роде вампиры были сродни древним божествам, о чем свидетельствуют летописи Жана. Они руководствовались только целесообразностью и, в меньшей степени, рудиментами старых человеческих эмоций. А эмоциональная вовлеченность Жанны в сочетании с ее способностью к психическому слиянию и знанием обстоятельств может пролить свет на элементы жуткого заговора. Собственно говоря, на этом и построена последняя операция во французском замке, которая расставляет все точки в этой истории.

Довольно трудно писать послесловие, не ощущая того самого запретного «слияния» с характером главного персонажа, но главный посыл ясен — любви все возрасты покорны, она «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1-е Коринф., 13:7). Так что многочисленные счастливые завязки и развязки в конце становятся лишь наградой за долготерпение. Книжка в целом хорошо продуманная, связанная и предназначенная для ясной целевой аудитории. Да будет так, и низкий поклон автору, которая, как нетрудно заметить в Интернете, уже имеет многочисленных поклонников. Что касается

решения, продолжать или не продолжать литературное творчество, его каждый принимает для себя. Напоследок скажу: дорогие друзья, бумажные книги — это не только ценная бумага, но и ваше чувство принадлежности (в том числе гендерной). Лучший планшетник — это наш мозг с гигантской системой синаптических связей, а злоупотребляя другими планшетниками, мы лишь дебилизируем себя. В конце концов, устройства служат для коммуникации или для поиска информации. Они не заменят физического общения или даже бумажных книг, как кино не убило театр. Пользуйтесь, пока есть живые авторы, или вас больше устраивает андроидная копия паста?

Кирилл САВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

VIP ЗНАЧИТ ВАМПИР.	7
ШЕРШЕ ЛЯ ВАМП.	375
ВАМПИР ВЫСШЕГО КЛАССА.	661
<i>Кирилл Савельев. Хроники роковой женщины. О трилогии Юлии Набоковой «VIP значит вампир» . . . . .</i>	951